

Патрушев Сергей

Институт магов

Сергей Патрушев

Институт магов

<https://litres.ru/74515972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мия — студентка, провалившаяся в мир магии из подвала библиотеки. В теле без дара она становится «талисманом» элитного Института и фамильяром древнего дракона.

Окружённая интригами завистников и любовью трёх могущественных мужчин (рыцаря Лиана, гиганта Кая и некроманта Эриса), Мия должна выжить в политических играх.

Когда древнее пророчество о Бездне сбывается, её обычная человечность оказывается страшнейшим оружием.

Содержание

Пролог. Дверь, которой не было	4
Глава 1. Добро пожаловать в Академию	17
Глава 2. Первый тест на прочность	35
Глава 3. Целительница высшего ранга	55
Глава 4. Тайная комната и заклинание сна	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Патрушев

Институт магов

Пролог. Дверь, которой не было

Запах старой бумаги, вековой пыли и сладковатой плесени был для Мии родным. Он вьелся в ее легкие за три года подработок на полставки в университетском архиве, спрятанном в цоколе главного корпуса. Для остальных студентов это место было мифом, точкой на картах кампуса, помеченной серым цветом с подписью «Техпомещения». Для Мии же оно стало убежищем от оглушающей пустоты собственной жизни.

Ей было двадцать. Двадцать лет безупречной учебы, идеальных оценок, вежливых улыбок родителям и абсолютного, звенящего непонимания того, зачем она каждое утро открывает глаза. Мир вокруг казался ей плоским чертежом, где все линии уже прочерчены: школа, престижный факультет экономики, стажировка, ипотека, брак по расчету или из страха одиночества, двое детей, выход на пенсию, смерть. Все остальные — ее однокурсники, вечно смеющиеся над мемами в телефонах, преподаватели с их фанатичным блеском в глазах при упоминании кривых спроса и предложения, даже ее собственные родители — казались персонажами пло-

хо написанной пьесы, которые искренне верят в реальность декораций.

Мия не верила. Она чувствовала фальшь каждой ноты в этой симфонии успеха.

Сегодняшний день отличался лишь тем, что главный хранитель архива, старый профессор Арнольд, слег с гриппом, оставив ключи и список неотложных дел у своего заместителя — сутулого аспиранта, который панически боялся девушек и предпочитал прятаться в отделе оцифровки. Мия осталась одна во всем подземном лабиринте.

Она должна была составить опись сектора «Забытые монографии» — секции, куда десятилетиями сваливали книги без инвентарных номеров. Фонарик ее телефона выхватывал из темноты кожаные корешки с золотым тиснением, рассыпающиеся в прах картонные обложки советских времен и странные фолианты, пахнущие озоном и жженым сахаром.

Воздух здесь двигался иначе. В главном зале архива работала мощная вентиляция, но сюда ее дыхание не доходило. Пыль висела в луче света плотными, почти осязаемыми частицами. Чем дальше вглубь стеллажей уходила Мия, тем сильнее менялась геометрия пространства. Потолок, казалось, становился ниже, а сами полки начинали стоять под невозможными углами, нарушая евклидову логику.

В самом конце тупикового коридора, там, где карта здания утверждала наличие сплошной кирпичной кладки, стоял шкаф. Он выглядел чужеродно. Не старинный дубовый

исполин, как его соседи, а сваренный из черного матового металла, гладкого, как обсидиан, и холодного даже на вид. На нем не было ни замочной скважины, ни ручки. Только идеально ровная вертикальная щель посередине, похожая на линию разлома реальности.

Мия подошла ближе. Ее сердце, обычно бившееся ровно и скучно, пропустило удар, а затем забилось тяжело, отдаваясь пульсом в кончиках пальцев. Это не было похоже на страх перед маньяком в подвале из дешевых хорроров. Это было узнавание. Словно она всю жизнь носила внутри себя слепок этого шкафа, заполненный глухой тоской, и только сейчас наткнулась на оригинал.

Она протянула руку. Металл обжег холодом. Никаких предупреждающих табличек, никакой сигнализации. Полное институциональное пренебрежение к здравому смыслу. Мия толкнула левую створку. Шкаф качнулся на удивление легко, беззвучно, словно весил не больше перышка, открывая взгляду не заднюю стенку, а темноту. Густую, бархатную, лишенную эха.

Это была дверь. Дверь, которой просто не могло быть в фундаменте здания сороковых годов постройки.

За ней не было бетонной стены. За ней не было соседнего помещения. Оттуда тянуло запахом озона после грозы, мокрого камня и чего-то еще — дикого, первобытного, напоминающего о хвойных лесах после дождя. Температура резко упала. Дыхание Мии превратилось в густой белый пар.

— Чертовщина какая-то, — прошептала она, и звук ее голоса умер, не пролетев и метра. Поглощенный темнотой.

Рациональность кричала ей развернуться, запретить металлический шкаф, сдать ключи аспиранту и пойти пить дешевый кофе в столовой, списав всё на переутомление и недостаток сна. Но та самая пустота, которую она годами пыталась залить учебниками по макроэкономике, вдруг рванулась навстречу этому провалу. Там, за порогом, не было плоского чертежа. Там была неизвестность. Настоящая, острая, способная либо убить, либо дать наконец почувствовать себя живой.

Мия поправила лямку рюкзака, сделала глубокий вдох, задержала его, словно готовясь нырнуть в ледяную воду, и шагнула вперед.

Переход не сопровождался спецэффектами. Никакого белого света, никакого ощущения падения или полета. Просто один шаг по пыльному бетону, а следующий — по влажному мху. Звук изменился полностью. Исчезло низкое гудение труб отопления, исчез гул города за окнами верхнего мира. Остался только шум ветра в кронах невидимых деревьев, далекий крик птицы, похожей на ястреба, и мерное, глубокое капанье воды.

Темнота рассеялась не сразу. Сначала появились запахи, потом звуки, и только потом зрение адаптировалось к сумеркам. Мия стояла посреди каменного круга, поросшего изумрудным светящимся лишайником. Камни были древними,

испещренными рунами, которые пульсировали тусклым синим светом в такт биению ее собственного сердца. Она обернулась.

Позади нее была скала. Идеально ровная, отполированная временем базальтовая стена высотой в несколько десятков метров. Никакого металлического шкафа, никакой двери. Только монолит. Пути назад не было.

Мия посмотрела вверх. Над головой сквозь разрыв в густом пологе леса виднелось небо цвета индиго, на котором вместо привычного лунного диска медленно плыли два спутника — один серебристо-белый, другой болезненно-фиолетовый. Воздух был пьяняще чистым, наполненным кислородом до такой степени, что у нее слегка закружилась голова.

Она выбралась из каменного круга на широкую звериную тропу. Земля пружинила под ногами, покрытая толстым слоем прелой листвы. Рюкзак за спиной казался нелепой деталью из другого измерения, но ноутбук, внешний аккумулятор и бутылка воды пока оставались единственными ее якорями в этом безумии.

Тропа вывела ее к обрыву. Внизу, в огромной долине, окруженной кольцом острых, черных гор, лежал город. И он разрушал всякое представление о мире меча и магии, которое Мия могла почерпнуть из книг.

Там не было грязных деревянных лачуг. Столица — а это, несомненно, была столица — сияла. Центральную часть венчал гигантский замок из белоснежного мрамора, шпили ко-

торого пронзали облака. От него расходились концентрические круги улиц, освещенные не факелами, а плавно парящими в воздухе кристаллами теплого янтарного света. По широким каналам, пересекавшим город, бесшумно скользили лодки с парусами из паутины. А между кварталами изящных особняков возвышались конструкции, которым Мия не могла подобрать названия: башни из переплетенных живых ветвей, удерживающие на своих верхушках огромные хрустальные линзы, фокусирующие свет звезд; мосты из чистого огня, застывшего в форме арок; площади, вымощенные камнем, меняющим цвет от шагов прохожих.

Магия здесь не была чем-то редким и чудесным. Она была инфраструктурой. Кровью этого мира.

Завороженная, Мия так засмотрелась вниз, что не заметила людей, пока они не оказались прямо за ее спиной. Их появление не сопровождалось звуком шагов. Они просто возникли из теней скал — трое молодых людей, одетых в одинаковые черные мундиры с серебряной окантовкой. Ткань формы не отражала фиолетовый свет второго спутника, поглощая его без остатка, становясь визуально глубже, объемнее.

Они не выглядели стражниками. Слишком холеные, слишком уверенные в себе. Тот, что стоял слева — высокий, широкоплечий, с грубоватым, но привлекательным лицом и коротко стриженными волосами цвета стали — держал в руках короткий жезл, увенчанный вращающимся турмалином.

Его взгляд был цепким, профессиональным, сканирующим местность на предмет угроз.

Тот, что справа — тонкий, гибкий, с кожей оливкового оттенка и глазами настолько темными, что зрачок сливался с радужкой — молча чертил пальцем в воздухе светящиеся геометрические фигуры. От них исходило едва слышное гудение, заставляющее волосы на руках Мии вставать дыбом. Он анализировал фон.

А тот, что стоял прямо по центру...

Мия забыла, как дышать. У центрального перехватило горло. Он был неприлично красив той холодной, аристократической красотой, которая обычно встречается только на полотнах старых мастеров или в рекламе элитной недвижимости. Длинные волосы цвета воронова крыла собраны в низкий хвост на затылке, открывая острые скулы и идеальной формы губы. Но главным были его глаза — бледно-серые, прозрачные, как замерзшее озеро. Взгляд этих глаз обладал физической тяжестью. Когда он остановился на лице Мии, ей показалось, что ее раздели догола, препарировали душу и взвесили каждый ее изъян на аптекарских весах.

Он сделал шаг вперед. Его движения были текучими, абсолютно бесшумными. Ни одна сухая ветка не хрустнула под его тяжелыми ботинками из темной кожи.

— Человек, — произнес он. Голос оказался глубоким, с легкой хрипотцой, и звучал на языке, который Мия никогда не учила, но понимала идеально, словно он транслировался

прямо в центр Брока ее мозга. — Из плоти. Теплокровный. Уровень угрозы нулевой.

— Ты ранена? — спросил стальной великан слева, делая шаг в сторону, чтобы зайти с фланга. Его голос был резким, привыкшим отдавать приказы.

Мия отрицательно мотнула головой, пытаясь сбросить наваждение. Адреналин ударил в кровь, смывая остатки офисной заторможенности. Мозги включились на полную мощность, анализируя ситуацию с пугающей ясностью. Три вооруженных мужчины. Изолированная локация. Она нарушила границу.

— Где мы? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Что это за место?

Центральный маг чуть наклонил голову. Уголок его губ дернулся в подобии усмешки. — Ты задаешь вопросы, ответы на которые должны вызывать священный трепет, смертная. Обычно люди падают ниц. Или пытаются бежать. Ты... спокойна. Даже слишком. Твой пульс учащен от шока пейзажа, но твоя вегетативная нервная система стабильна. Как будто ты ожидала увидеть нечто подобное.

— Я ничего не ожидала, — честно ответила Мия. — Я открыла дверь в подвале библиотеки.

Оливковый парень справа замер. Светящаяся диаграмма, которую он держал в воздухе, вспыхнула ярко-алым и рассыпалась искрами. — Спонтанный межпространственный прокол класса «Омега», — пробормотал он, глядя на свои руки

с детским восторгом. — Без ритуальной матрицы. Без накопителя энергии. Локализованный радиус выхода — полтора метра. Невозможно. Вероятность такого события статистически стремится к нулю. Кэрил, фиксируй показания моего амулета.

Стальной (Кэрил) раздраженно рыкнул: — Потом зафиксируешь, Лин! Нас могут слушать уши Гильдии Нитей. Девушка, брось рюкзак. Медленно. И вытяни руки.

— Не надо, Эрис, — мягко, но властно остановил его центральный. Он подошел к Мие вплотную. Теперь она видела тонкие белые шрамы на его шее и легкий аромат озона, исходящий от его кожи. — Она не вооружена. Посмотри на ее одежду. Это гражданский комбинезон из синтетики. Плотность волокон низкая. Такую ткань делают только в Первом Кольце Механистов. Но она говорит на Высоком Наречии без акцента.

Эрис опустил жезл, но не убрал его. Его подозрительность боролась с приказом старшего.

— Кто ты? — спросил центральный. Теперь его голос звучал тише, интимнее, предназначенным только для нее. — Твоя аура... Она выжжена. Я вижу колоссальный резервуар силы, запечатанный внутри твоего ядра. Десятилетия подавления. Магистры Академии сошли бы с ума от зависти, увидев такой потенциал, заключенный в сосуд, который выглядит совершенно пустым. И этот запах... Запах несбывшегося. Ты пришла сюда не случайно. Пространство выплюнуло

тебя именно сюда, потому что твой голод соответствует аппетиту нашего мира.

Мия смотрела в его серые глаза и впервые за много лет почувствовала, как по спине бегут мурашки не от холода, а от прикосновения истины. Этот человек видел ее насквозь. Он увидел ту черную дыру в груди, которую она сама давно перестала замечать.

— Меня зовут Мия, — сказала она. — И я понятия не имею, кто я такая.

Лин издал восторженный писк, совсем не подходящий болевому магу: — Эрис, ты понимаешь?! Абсолютно чистое сознание! Табула rasa! Мы можем записать весь процесс ее инициации! Это будет диссертация века!

Эрис проигнорировал коллегу. Он взял лицо Мии в свои ладони. Его пальцы были горячими, несмотря на ночной холод. Большие пальцы коснулись ее висков, и мир вокруг снова дрогнул.

На секунду она увидела себя его глазами. Не студентку в дурацких джинсах, а источник слепящего, хаотичного света, запертого в хрупкой человеческой оболочке. Вокруг этого света клубился серый туман депрессии, вины и бесконечных долгов, но сам стержень сиял так ярко, что прожигал саму материю реальности.

Эрис выдохнул, отступая на шаг. Его идеальная маска холодного превосходства дала трещину, обнажив чистое, неприкрытое благоговение. — Институт ошибается, — ти-

хо сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к спутникам. — Пророчества лгали столетиями. Ждали дракона, ждали короля-пепла, ждали дитя двух миров.

Он посмотрел на Мию, и в его глазах плескалось что-то очень похожее на страх вперемешку с жадностью исследователя. — Они искали силу. А пришло ничто. Чистое полотно.

Кэрил сплюнул на камни: — Очередная блажь аристократа. Нам нужно доставить объект в караульное помещение, проверить на одержимость демонами Нижних Кругов и сдать куратору. Если ректор узнает, что мы задержали человека без регистрации на внешней стене...

— Она пойдет с нами, — отрезал Эрис, возвращая себе командный тон. — В Институт. Немедленно.

— На каком основании? — возмутился Кэрил. — У нас нет санкции Совета Семи!

Эрис перевел на него тяжелый взгляд, от которого сталь в жилах гиганта, казалось, начала плавиться. — Основание простое, Кэрил. Перед нами Избранная. Та, чьего прихода ждет Академия последние пятьсот лет. Девочка, открывшая дверь, которой не было.

Он протянул Мие руку. Жест был открытым, приглашающим, но в нем читалась неумолимая неизбежность судьбы. — Добро пожаловать в Валларию, Мия. Здесь твои студенческие долги не имеют значения. Здесь значение имеет только то, кем ты станешь, когда научишься дышать полной грудью.

Мия посмотрела на его ладонь. Затем перевела взгляд на

сияющий внизу город, на две луны в небе и на свою собственную руку, которая почему-то больше не дрожала.

Плоский чертеж ее прошлой жизни окончательно сгорел дотла вместе с запахом бумажной пыли. Впереди была бездна.

Она вложила свою кисть в его руку. Ладонь Эриса сомкнулась вокруг нее с силой, не допускающей возражений, но удивительно бережной.

— Держитесь рядом, — бросил он через плечо Лину и Кэрилу. — Активируйте купол тишины. Если хоть одна живая душа узнает, что мы привели ее через внешнюю стену до прохождения карантина, нас распылят на элементарные частицы.

Они двинулись вниз по склону, прочь от древнего каменного круга. Лин шел впереди, буквально подпрыгивая от возбуждения и разбрасывая вокруг себя диагностические чары. Кэрил замыкал шествие, постоянно оглядываясь и держа жезл наизготовку, готовый испепелить любую тень.

Эрис шел рядом с Мией, плечом к плечу. Их шаги синхронизировались сами собой.

— Тебе страшно? — спросил он спустя сотню метров молчания.

Мия прислушалась к себе. Страх действительно был — липкий, животный инстинкт самосохранения вопил об опасности. Но под ним, гораздо глубже, разгоралось другое чувство. Впервые за двадцать лет она чувствовала не экзистен-

циальную тошноту от предсказуемости завтрашнего дня, а острый, колючий интерес.

— Нет, — ответила она, глядя прямо перед собой. — Мне любопытно.

Эрис тихо рассмеялся. Звук был похож на треск ломающегося льда. — Любопытство убивает кошек, Мия. Но таких, как мы, оно делает богами. Советую тебе начать бояться позже. Например, завтра утром, на вступительном экзамене в Высшую Академию Эфирных Искусств. Декан факультета Некромантии крайне не любит сюрпризов. Особенно тех, что пахнут пылью земных библиотек и способны обрушить законы термодинамики одним своим присутствием.

Впереди показался контрольно-пропускной пункт внешней стены — массивные ворота из черной бронзы, украшенные лицами спящих титанов. При их приближении титаны открыли глаза. Рубиновые лучи света ударили из их зрачков, сканируя группу. Луч прошел сквозь Мию, не встретив сопротивления, словно ее тело состояло из чистого воздуха, и сфокусировался на ее ядре. Древние механизмы ворот издали низкий, вибрирующий гул признания.

Ворота начали открываться. Без единого звука, раздвигая многотонные плиты.

Мир меча и магии принимал ее. И пути назад, в пыльный подвал университетской библиотеки, больше не существовало.

Глава 1. Добро пожаловать в Академию

Пробуждение не было похоже на выныривание из сна. Это было включение системы, которая годами находилась в режиме гибернации. Мия открыла глаза и первым делом увидела потолок.

Он находился так высоко, что терялся в полумраке сводчатого купола. Никакого гипсокартона или дешевой побелки — только черный обсидиан, инкрустированный созвездиями из платины. Звезды медленно плыли по своим орбитам, подчиняясь невидимым законам небесной механики этого мира. Воздух пах озоном, старым пергаментом и чем-то сладковато-горьким, напоминающим жженный сахар и полынь.

Мия лежала на кровати, которой позавидовал бы любой королевский музей. Резное дерево темных пород, матрас, принимающий форму тела с идеальной точностью, и шелковые простыни цвета индиго. Она села, подтянув колени к груди. На ней была надета чужая одежда: мягкая льняная рубаша до колен и широкие штаны. Все чистое, выглаженное, но абсолютно безразмерное. Ее собственные джинсы и толстовка исчезли вместе с рюкзаком. Единственной вещью, связывающей ее с прошлой жизнью, остался тонкий сереб-

ряный браслет-часы на запястье — дешевая бижутерия из перехода метро, которая сейчас казалась жалкой подделкой на фоне окружающей роскоши.

Она находилась в одиночной комнате размером со среднюю квартиру в новостройке. Одну стену полностью занимал стеллаж с книгами в кожаных переплетах. Напротив располагался камин, в котором плясало совершенно холодное, бледно-голубое пламя, не дающее ни капли жара. В углу стояла медная лохань для омовений, наполненная водой, от которой поднимался пар.

Дверь бесшумно открылась. На пороге стоял Эрис. Он сменил свой боевой мундир на строгий академический сюртук темно-серого цвета с серебряным кантом на воротнике. Выглядел он отдохнувшим, хотя тени под его серыми глазами стали чуть глубже.

— Ты спала восемнадцать часов, — констатировал он, входя в комнату. Его движения были такими же плавными, как вчера ночью, но теперь в них сквозила хозяйская уверенность. — Мы уже начали беспокоиться, что твой разум решил остаться в пограничном состоянии. Как себя чувствуешь?

Мия спустила ноги на ледяной мраморный пол. — Словно меня пропустили через мясорубку, а потом собрали обратно титановыми скобами, — честно ответила она. Горло пересохло. — Где мы? И где мои вещи?

— Твои вещи прошли первичную дезинфекцию в отделе

артифакта. Кусок пластика, который ты называла «телефоном», едва не вызвал локальный магический резонанс и был изолирован в свинцовом боксе. Рюкзак пуст, если не считать странных высушенных листьев, завернутых в бумагу. Они светятся в темноте. Мы решили их пока не трогать. Одежду я приказал сжечь, уж прости за самоуправство. Синтетика вызывает у местных тканей острую аллергию вплоть до самовозгорания.

Эрис подошел к столику у окна, которого Мия раньше не замечал. На нем стояли два кубка из дымчатого стекла и графин с водой, в которой плавали кусочки льда, самостоятельно поддерживающие свою температуру.

— Пей, — он протянул ей кубок. — Это поможет синхронизировать твои внутренние потоки с местным фоном. Валларийский эфир плотнее земного почти в три раза. Для неподготовленного человека это равносильно попытке дышать на глубине ста метров.

Мия сделала глоток. Вода оказалась густой, терпкой, с привкусом грозы и меда. По телу мгновенно разлилось тепло, прогоняя ломоту в мышцах. Голову прояснило.

— Ты сказал «Валлария»? — спросила она, возвращая кубок. — Что это за место?

— Королевство Арканум, столица — Валлария. Географически — центр континента Терра Нова. Политически — самая стабильная магократия за последние две тысячи лет. А то место, куда ты попала... — Эрис обвел рукой стены ком-

наты. — Это Высшая Академия Эфирных Искусств. Или, как называют ее студенты, просто Институт. Самое престижное учебное заведение на западном полушарии. Попасть сюда сложнее, чем родиться драконом. Конкурс — триста человек на место. Требуется безупречная родословная минимум в десяти поколениях и врожденный дар уровня Архимага.

— У меня нет ни того, ни другого, — сухо заметила Мия.

— Именно поэтому ректор рвет на себе волосы, — усмехнулся Эрис, и эта улыбка впервые сделала его лицо живым, стерев маску холодного божества. — Твое появление нарушило все протоколы безопасности. Спонтанный прокол класса «Омега» прямо во внешнем периметре. Ни рун призыва, ни астрального маяка. Пространство само выбрало тебя. Когда Лин снял показания твоей ауры при входе в главные ворота, защитные големы Академии встали на колени. Система идентификации приняла тебя за Основателя.

— За кого?

— Легенда гласит, что первую печать на этот мир наложил смертный, лишенный магии. Человек чистого намерения. Магия здесь реагирует на волю, но воля всегда искажается жадой власти. А твоя воля... она выжжена дотла твоим нежеланием жить. Для эфира это состояние абсолютно нуля. Идеальная среда для творения чего угодно. Поэтому декан факультета Боевой Магии требует отдать тебя ему немедленно. Декан Иллюзоров утверждает, что ты — ходячий обман восприятия. А целители...

Эрис замолчал, задумчиво глядя на холодное пламя в камине. — Целители плачут от восторга. Говорят, что видят структуру здорового человеческого тела такой, какой ее создал Демиург, без примесей городской грязи, стресса и плохой экологии. Ты — эталон нормы, Мия. В мире, полном отклонений.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату вошел еще один мужчина. Если Эрис был выкован из дамасской стали, то этот выглядел так, будто его высекли из векового дуба. Огромный, седовласый, с окладистой бородой, в которой запутались крошки золотистого печенья. Одет он был в мантию цвета запекшейся крови, расшитую символами медицинской астрологии. От него веяло таким уютом и спокойствием, что Мия невольно расслабилась.

— Перестань пугать девочку экзистенциальными ужасами, Эрис, — пробасил вошедший густым, как гречишный мед, голосом. — Доброе утро, дитя. Меня зовут Магистр Борин. Я возглавляю Факультет Жизненной Эссенции. Можно сказать, местный главврач.

— Она называет это «целительством», — вставил Эрис, прислонившись плечом к книжному шкафу.

Борин добродушно хмыкнул, отчего его внушительное пузо колыхнулось. — Це-ли-тель-ство, — произнес он по слогам, словно пробуя слово на вкус. — Забавно звучит. Почти как колокольчик. Подойди ко мне, девочка. Не бойся, я не кусаюсь. Ну, разве что по вторникам, когда заканчивается

валериана.

Мия поднялась. Пол под ногами больше не казался ледяным. Тепло от воды начало разгонять кровь. Магистр обошел ее кругом, щелкая пальцами. Вокруг Мии вспыхнула сетка из мягкого золотистого света. Она пульсировала в такт ее сердцебиению.

— Потрясающе, — выдохнул Борин, потирая руки. — Посмотрите на эти узлы! Ни одного спазма. Печень чиста, как утренняя роса. Легкие... Эрис, ты привел нам ангела? У нее даже ресничные тела в бронхах работают синхронно. В моей практике такое бывает только у новорожденных эльфов, да и то не всегда. Дыши глубоко.

Мия послушно вдохнула. Золотистая сеть засияла ярче. — У вас истощение коры головного мозга, вызванное хроническим отсутствием смысла жизни, — диагностировал Борин, заглядывая ей в зрачки. — Но физически вы совершенны. Если мы добавим вам немного витальности и поправим энергетические каналы, которые у вас заросли паутиной от вашей земной апатии, вы станете величайшим врачом поколения. Пойдете ко мне на кафедру? Будете изучать анатомию гуманоидов. Поверьте, трехголовые тролли — это те еще пациенты, скучно не будет.

— Ректор ждет, — напомнил Эрис. Его голос стал жестче. Ему явно не нравилось, что внимание переключают с него на старого доктора.

— Да-да, политика, — поморщился Борин. — Всегда од-

но и то же. Сначала спасите мир, а потом мы разрешим вам лечить насморк. Идемте, юная леди. Совет Семи факультетов собрался ради вас. Такое событие случается реже, чем парад планет.

Коридоры Института поражали воображение сильнее, чем ночной город внизу. Они не шли по прямой. Коридоры изгибались, закручивались спиралью, иногда пересекали сами себя под невозможными углами. Студенты — юноши и девушки в разноцветных мантиях, обозначающих курс и стихию — скользили вдоль стен, оставляя за собой шлейфы остаточных заклинаний. Кто-то левитировал стопку книг, кто-то спорил о свойствах лунного камня, небрежно создавая в воздухе голографические модели молекул.

На Мию смотрели. Не потому, что она шла рядом с Эрисом — фигура Черного Клинка (как мысленно окрестила его Мия) сама по себе собирала взгляды, — а потому, что вокруг нее не было защитного кокона. Местные маги постоянно излучали микро-резонанс, фоновый шум своих способностей. Мия же поглощала звук. Там, где она проходила, разговоры затихали на долю секунды, кристаллы освещения начинали гореть чуть тусклее, а сквозняки прекращались. Она была дырой в ткани реальности.

Они остановились перед массивными дверями из черного дерева. Створки украшала резьба, изображающая Древо Миров. Двое стражников в латах из живого серебра мол-

ча отсалютовали Эрису алебардами. Двери открылись сами, беззвучно.

Зал Совета представлял собой амфитеатр. В центре, на возвышении, стоял круглый дубовый стол. За ним сидели семь человек. Или существ, очень похожих на людей. Их мантии переливались всеми цветами радуги, сливаясь в белый свет там, где они сходились к центру стола.

Во главе стола сидел старик. Настоящий старик, каких Мия никогда не видела. Его кожа была похожа на старый пергамент, туго натянутый на череп, но глаза — ярко-изумрудные, живые, насмешливые — выдавали интеллект, способный просчитать движение каждой песчинки в пустыне.

— Садитесь, господа, — произнес старик, когда они вошли. — И вы тоже, явление природы.

Эрис и Борин заняли свои места среди других деканов. Мие указали на простой деревянный стул напротив ректора. Стул оказался неудобным, жестким — специально, чтобы посетитель чувствовал свое ничтожество.

— Имя? — спросил старик. Голос у него был скрипучим, как несмазанная телега, но обладал гипнотической силой. — Мия. — Фамилия? Род? Дом? Покровительствующий дух? — Патрушева, — ляпнула Мия первое, что пришло в голову. — Родовых связей нет. Покровителей тоже. Я студентка экономического факультета. Была.

По залу прошелестел шепот. Декан слева, сухой как мумия мужчина с кожей пепельного цвета, вскочил. — Ректор

Альтавиэль! Это возмутительно! Девочка не прошла вступительные испытания! У нее нет лицензии Гильдии Провидцев! У нее нет рекомендательного письма от барона! У нее вообще ничего нет, кроме нелепой одежды и дерзости! Правила Академии писаны кровью предков!

— Сядьте, Декан Морис, — лениво бросил Ректор. — Кровь ваших предков давно высохла и превратилась в пыль, которую библиотекари сейчас сметают в секторе «Забытых монографий». Скажите мне, Мия... зачем вы открыли ту дверь?

Вопрос застал врасплох. Мия ожидала допроса, требований доказать лояльность, тестов на магию. Но не простого, почти дружеского любопытства. — Я не открывала. Она просто... была. В стене подвала. Я шагнула, потому что остаться там было страшнее, чем шагнуть в неизвестность.

Ректор Альтавиэль откинулся на спинку кресла и громко, раскатисто расхохотался. Его смех заполнил весь огромный зал, сбивая напыщенность с лиц остальных магистров. — Страшнее, говорит! Мальчишка прав. Она действительно Избранная. Только пророки ошиблись в терминах. Мы ждали Воина, который принесет Порядок. А пришла Девушка, которая бежала от Скуки.

Он подался вперед, упершись локтями в стол. Его изумрудные глаза впились в Мию. — Ваши документы аннулированы вашим же переходом, гражданка иного измерения. Формально вы находитесь на территории Арканума незакон-

но. Любой патруль Внутренней Безопасности имеет право распылить вас на атомы. Однако закон выше бюрократии. Закон гласит: любое существо, появившееся внутри защитных печатей Академии вследствие прямого вмешательства метапространства, находится под личной протекцией Ректора.

Морис снова дернулся: — Но Устав... — Устав подождет, пока я допью свой отвар, — отрезал Альтавиэль. — Вопрос стоит иначе. Куда ее девать? Дар распаковался частично при переходе. Элементарная эмпатия зашкаливает. Чувствительность к линиям силы — феноменальная. Но направленной способности нет. Она чистый проводник. Если дать ей боевую магию, она случайно аннигилирует полигон. Если иллюзии — сойдет с ума от собственных отражений. Алхимия убьет ее испарениями на первом же занятии.

— Ей самое место в архиве, — буркнул Эрис. Он смотрел на Мию тяжелым взглядом собственника. — Пусть изучает историю порталов. Под моим надзором.

— Нет, — мягко, но непреклонно сказал Борин. — Ректор, посмотрите на показатели регенерации. Она должна быть на моем факультете. Нам нужны такие лекари. Мы сможем лечить наследственные проклятия высших домов, просто находясь с пациентом в одной комнате!

Альтавиэль перевел взгляд на Мию. — Чего хочешь ты? — спросил он. — Только не говори, что хочешь домой. Тот мир выплюнул тебя, как рыбью кость. Обратной дороги нет,

ткань реальности за тобой схлопнулась навсегда. Даже я не смогу ее раздвинуть, не вызвав локальный апокалипсис.

Мия сглотнула. Комната давила авторитетом, властью, тысячелетними традициями. Эти люди играли судьбами государств. А она хотела лишь одного — чтобы от нее отстали и дали поспать. — Я хочу понять правила, — тихо сказала она. — Чтобы выжить. И научиться делать что-то полезное. Чтобы меня не сожгли за нарушение этих правил.

Ректор долго молчал. Он переводил взгляд с разъяренно-го Мориса на умоляющего Борина, затем на напряженного Эриса. Наконец, он ударил костлявым кулаком по столу. Раздался звук, похожий на удар гонга. — Решение принято.

Все замерли. — Факультет Теоретической и Прикладной Трансмутации. Базовая кафедра.

— Но там готовят артефакторов! — воскликнул Декан в синей мантии. — Зачем нам пустой сосуд?! — Затем, — оскалился Альтавиэль, — что трансмутация — это наука о превращении одного в другое. О том, как взять глину и сделать золото. Ваша гостья, господа, и есть та самая глина. Абсолютно чистая. Мы вылепим из нее то, что нужно короне. А начнем мы... — он сделал драматическую паузу, наслаждаясь всеобщим недоумением. — С курса прикладного целительства. Поздравляю, Магистр Борин. Вам достался самый безнадежный и самый перспективный проект десятилетия. Запишите ее. Группа первого года. Специализация — общая терапия.

Борин победно ухмыльнулся и тут же начал рыться в складках своей мантии в поисках свитка. Эрис поднялся. Его лицо превратилось в неподвижную маску. — Ректор, я против. Оставлять нестабильный фактор общего профиля в общежитии первокурсников опасно. Я беру ответственность на себя. Она будет жить в Северной башне. Под моим личным наблюдением.

— Северная башня закрыта после инцидента с демонической плесенью восемьдесят второго года, — заметил секретарь, не отрываясь от самопишущего пера. — Значит, откроем, — отрезал Эрис. — Мне нужен доступ к контуру наблюдения. И запрет на посещение ее комнаты любым лицам без моего письменного разрешения.

Альтавиэль кивнул, принимая это как данность. — Как пожелаете, господин заместитель главы службы безопасности. Главное, следите, чтобы ваша одержимость защитой гражданских лиц не переросла в уголовное преступление. Свободны все. Советы утомляют мой склероз.

Когда двери зала закрылись за их спиной, коридор показался Мие тихим и безопасным. Борин буквально подпрыгивал рядом, размахивая свитком. — Чудесно! Просто чудесно! Кабинет тебе выделим завтра, сегодня освоишься. Общежитие крыла Жизни — это четвертый ярус, восточное крыло. Вот пропуск. Зеленая полоса означает первый курс. Никому его не отдавай, потеряешь — придется вытравливать новую татуировку на сетчатке, процедура крайне неприят-

ная, запах жженой курицы стоит неделю.

— Подождите, — Мия остановилась. — Почему он отдал меня вам? Этот Эрис... он хотел забрать меня в архив. А Ректор отправил к вам, хотя сам Эрис просил оставить меня у себя.

Борин хитро прищурился, погрозив ей пальцем, похожим на сардельку. — Наблюдательная. Это хорошо. Видишь ли, деточка, наш дорогой Эрис де Ренуар — лучший боевой некромант современности. Опасный, смертоносный и абсолютно несчастный в быту. Последние пять лет он пытается создать гомункула. Идеального солдата. Но у него получается либо агрессивное желе, либо философски настроенный кусок гранита. Наш Ректор — старая мудрая ящерица. Он понимает: чтобы научить чудовище заботиться, ему нужно дать нечто хрупкое. То, что нельзя защитить мечом или проклятием. То, что можно спасти только теплом рук. Так что поздравляю, Мия. Ты стала самым сложным терапевтическим случаем в карьере главного убийцы королевства.

С этими словами доктор похлопал ее по плечу тяжелой ладонью и бодро удалился в сторону лестницы, что-то напевая себе под нос.

Восточное крыло общежития встретило ее запахом хлорки, лаванды и чего-то жареного. Здесь кипела жизнь. По широким коридорам сновали девушки в светло-зеленых и белых мантиях. Звучал смех, звенели склянки, из открытых

дверей аудиторий доносились лекции о строении нервных узлов троллей.

Комната номер 412 оказалась небольшой, но удивительно уютной. Узкая кровать под скошенным потолком, письменный стол у единственного стрельчатого окна, выходящего на внутренний сад, и встроенный в стену шкаф. На столе уже стояла стопка учебников высотой в половину роста самой Мии. Названия заставляли волосы шевелиться: «Основы кроветворения у оборотней», «Токсикология болотных испарений», «Анатомия фей».

Едва Мия положила выданный Борином пропуск на полку, как дверь без стука распахнулась.

На пороге стояли три девушки. Все трое были одеты в идеальные белые мантии старших курсов кафедры акупунктуры. Высокая блондинка с лицом фарфоровой куклы смирля Мию взглядом, полным высокомерного презрения. Вторая, рыжая, держала в руках планшет из светящегося стекла. Третья, брюнетка, просто скрестила руки на груди, перекрывая выход.

— Новенькая, — процедила блондинка. — Из-за ворот. Та самая оборванка, из-за которой Эрис де Ренуар отменил вечернюю тренировку дуэльных клубов.

— Я Мия, — спокойно ответила Мия, инстинктивно отступая на шаг назад, пока не уперлась поясницей в край стола.

— Нам плевать, как тебя зовут, — бросила блондинка. —

Здесь я староста этажа, меня зовут Селеста. Правило первое: никаких мужчин в жилых блоках после отбоя. Правило второе: общие душевые — строго по расписанию. Твой интервал — с пяти до шести утра.

— Почему? — вырвалось у Мии. — Разве бани не общие круглые сутки?

Рыжая оторвалась от планшета и нервно хихикнула. — Потому что, милочка, ты новенькая, грязная и непонятная. А мужчины в этом Институте делятся на две категории: зануды-теоретики и хищники вроде Эриса. И вторые имеют привычку чують свежую кровь. Сегодня утром двое третьекурсников с Боевого факультета подрались на дуэли. Причина — спор о цвете твоих глаз. Еще до того, как ты проснулась.

Селеста шагнула в комнату, нависая над Мией. От нее пахло дорогими духами и раздражением. — Ты крадешь наши ресурсы. Ресурс внимания лучших боевых магов выпуска. Мой жених, Гаспар, проиграл им сто золотых империалов, ставя на то, сколько ты выдержишься до первой ночи. Он думает, что ты шлюха из Нижнего города, которую Эрис подобрал для развлечений. Я думаю, что ты шпионка Механистов.

— Я просто хочу учиться, — тихо сказала Мия.

— Учиться? — Селеста театрально всплеснула руками. — Чему?! Тому, как строить глазки? Вчера вечером он приходил сюда. Стоял в коридоре полчаса. Проверял охранные плетения на твоей двери. Никто не проверяет защиту ком-

нат первокурсниц, Мия. Никогда. Обычно мы зачаровываем замки сами, чтобы мальчишки не подсматривали. А он поставил стационарный щит пятого уровня. Сюда не войдет даже таракан без его отпечатка ауры.

Брюнетка, стоявшая в дверях, наконец подала голос. Он был низким и сонным: — Селеста, оставь ее. Она выглядит уставшей. И от нее странно пахнет. Как от дождя и старой бумаги. Это сбивает настройки моих рецепторов.

— Заткнись, Лайза, — огрызнулась Селеста, не поворачивая головы. — Слушай внимательно, мусорщица. Держись подальше от парней. Не смотри на Эриса. Не разговаривай с ним, если он подойдет. Если ты хоть одним движением поставишь нас в неловкое положение перед кураторами, я лично прослежу, чтобы твой настой полыни превратился в концентрированную кислоту. У нас факультет целителей. Мы знаем тысячу способов заставить человека страдать так, чтобы он оставался идеально здоровым.

Она развернулась на каблуках и вышла. Рыжая показала Мии язык, прежде чем скрыться вслед за ней. Лайза задержалась на секунду, принялась и сочувственно вздохнула: — Прости. Она злится, потому что Эрис разбил сердце ее кузине в прошлом семестре. Просто делай вид, что ты мебель. Это работает примерно в тридцати процентах случаев. Остальное время — беги.

Дверь захлопнулась. Замок щелкнул автоматически, активируя стандартные чары приватности.

Мия осталась стоять посреди комнаты. Учебники по анатомии троллей давили на стол мертвым грузом. За окном медленно опускались фиолетовые сумерки второго спутника.

Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу, во внутреннем дворе, зажигались фонари. Жизнь Института продолжалась: кто-то тренировался левитировать камни, кто-то целовался под арками, игнорируя правила Селесты.

Мия была чужой. Она не знала языка их статусов, не понимала причин их ненависти и страха. Она была аномалией, черным лебедем, случайной переменной в уравнении, которое этот мир решал столетиями.

Она посмотрела на свою руку. Обычная человеческая рука, покрытая тонким золотистым пушком. Никаких линий силы, светящихся вен или чешуи.

— Мебель так мебель, — вслух сказала она пустой комнате.

Она взяла с полки верхний учебник — «Основы кроветворения» — и легла на кровать, не снимая чужую мантию. Сон отказывался приходить. Вместо него пришел голод. Не физический — Боринская вода до сих пор питала ее клетки энергией. Это был другой голод. Голод понимания.

Если этот мир хочет превратить ее в оружие, инструмент или лекарство, ей придется изучить его устройство. Начиная с того, почему главный убийца королевства ставит пятый

уровень защиты на дверь спальни первокурсницы.

Мия открыла книгу на первой странице. Буквы поплыли перед глазами, складываясь в понятные слова. Спустя десять минут она перевернула страницу. А еще через час, когда фиолетовый спутник достиг зенита, она поняла главное правило этого места: слабость здесь не прощают, но необъяснимую силу боятся до дрожи. И пока она не поймет природу своей собственной пустоты, притворяться мебелью — лучшая стратегия выживания.

Глава 2. Первый тест на прочность

Утро началось не с крика петуха или звона колоколов, а с вибрации. Пол под кроватью Мии мелко дрожал в ритме далекого барабанного боя. Она открыла глаза. В комнате было еще темно, но сквозь стрельчатое окно лился густой, индигово-синий свет — фиолетовый спутник только начинал уступать небо своему серебристому собрату.

На прикроватном столике лежала стопка одежды, которой там не было вчера вечером. Идеально белая мантия первокурсницы факультета Теоретической Трансмутации, подпоясанная витым шнуром цвета весенней травы. Рядом стояли тяжелые ботинки из мягкой кожи и плотные чулки. Никаких инструкций. Никакой записки.

Мия поднялась. Сон освежил ее физически, но разум оставался острым и напряженным, как натянутая струна. Разговор с Селестой накануне ночью эхом отдавался в висках. «Держись подальше от парней». Совет был бы дельным, если бы один из этих самых парней не превратил ее дверь в неприступную крепость. Эрис де Ренуар стал для нее фактором неизвестности — пугающим, притягательным и абсолютно непредсказуемым. Как черная дыра в центре ее новой галактики.

Она быстро умылась ледяной водой из медного таза, облачилась в мантию и посмотрела на себя в небольшое зерка-

ло над умывальником. Из отражения на нее смотрела чужачка. Белый цвет подчеркивал нездоровую бледность ее кожи и темные круги под глазами — наследие прошлой жизни, которое магическая вода Борина смыть до конца не смогла.

Выйдя в коридор, она сразу поняла, куда идти. Воздух восточного крыла обычно пах травами и антисептиками. Сейчас же он гудел от едва сдерживаемой энергии. Десятки студентов двигались в одном направлении — вниз по широкой парадной лестнице, ведущей во внутренний двор. Это была не просто толпа. Это был единый организм, движимый стадным инстинктом и предвкушением зрелища.

Мия спустилась во двор. Солнце Арканума показалось из-за гор, заливая каменные плиты жидким золотом. Двор Академии представлял собой огромный амфитеатр. Студенты уже занимали места на ступенях, ведущих к учебным корпусам. Внизу, на идеально ровной площадке, расчерченной светящимися рунами, стояло около сотни первокурсников. Их белые мантии казались жалкими пятнами на фоне монументальной архитектуры.

— Новенькая! Сюда!

Голос принадлежал Магистру Борину. Он возвышался над толпой, как добродушный медведь среди кроликов, активно махая ей рукой. Мия начала пробираться через ряды старшекурсников. Каждый шаг сопровождался шепотками. Она чувствовала их кожей: смесь любопытства, раздражения и жгучего интереса.

— Это та самая? Которая прошла сквозь стену? — Говорят, Ректор зачислил ее без экзамена. — Посмотрите на ее лицо. Ни капли дара. Пустышка.

Последнее слово больно кольнуло. Мия сжала кулаки, пряча руки в широких рукавах мантии. Она привыкла быть невидимкой, тенью за спинами успешных однокурсников. Но здесь, где каждый второй мог метнуть молнию усилием мысли, быть пустотой казалось еще более унижительным.

Борин поймал ее за локоть, когда она добралась до преподавательской ложи. — Не обращай внимания на воронье, деточка, — пророкотал он достаточно громко, чтобы ближайшие сплетники сделали вид, что изучают свои ногти. — Экзамен сегодня формальный. Нам нужно просто определить твой базовый вектор. К чему тянется твоя душа? К огню? К воде? К земле? Обычно это занимает три минуты, потом я забираю тебя в лазарет, и мы начинаем вскрывать лягушек. Звучит весело?

Мия выдавила слабую улыбку. Веселья в перспективе препарирования земноводных она не видела, но предсказуемость процесса успокаивала.

— Адептка Мия Патрушева! — прогремел усиленный магией голос секретаря со смотровой башни.

Сердце сделало кульбит. Мия вышла из-под навеса ложи на залитый солнцем полигон. Подошвы ботинок коснулись теплого камня, внутри которого пульсировали линии силы. Руны под ногами вспыхнули приветственным синим светом.

Магистр Альтавиэль сидел в кресле-троне чуть поодаль. Его изумрудные глаза внимательно следили за ней. Справа от него, скрестив руки на груди, стоял Эрис. На нем снова была черная форма службы безопасности. Он не смотрел на Мию, его взгляд был устремлен куда-то поверх голов толпы, но вся его поза выражала крайнюю степень настороженности. Он напоминал хищника, охраняющего добычу, которую сам же притащил в логово других хищников.

— Приступим к измерению потенциала, — сухо объявил Декан Морис, выходя вперед. В руках он держал артефакт — тяжелый хрустальный шар на бронзовой подставке. — Положи ладонь на сферу. Не сжимай. Просто касайся.

Мия подошла. Толпа затаила дыхание. Девушка опустила руку на гладкий кристалл.

Ничего не произошло.

Шар остался тусклым. Руны на полигоне продолжали мерцать своим обычным ритмом, игнорируя присутствие новенькой. Морис нахмурился и щелкнул пальцами. Внутри шара за клубился серый туман, пытаясь прощупать ауру Мии, найти отклик, резонанс. Туман обтекал ее руку, словно она была вырезана из пространства.

— Странно, — процедил Морис. — Абсолютное поглощение. Сфера пытается считать данные, но получает ноль. Девочка, ты хоть завтракала? Голод может блокировать каналы. — Яблоко съела, — честно ответила Мия. — Перед выходом.

По рядам студентов прошел смех. Даже каменное лицо Эриса дрогнуло в намеке на усмешку, прежде чем вновь стать непроницаемой маской.

— Хватит игр, — поморщился Альтавиэль. — Если сфера бесполезна, используем старый метод. Практика. Лиан!

Из группы наблюдающих второкурсников вышел юноша. Высокий, гибкий, с волосами цвета расплавленной меди, собранными в небрежный хвост. Одет он был в форму Гильдии Исследователей — кожаный жилет поверх серой рубахи. Судя по нашивкам на рукаве, он проходил здесь стажировку помощником библиотекаря. Именно он вместе с Эрисом встретил Мию той ночью у скал.

Лиан подошел к центру полигона, поклонился Ректору и достал из ножен на поясе короткий ритуальный клинок. Сталь блеснула опасным синеватым отливом. — Какой уровень повреждений смоделировать, Магистр? — спросил он звонким голосом. — Глубокий порез предплечья, — распорядился Альтавиэль. — Второй степени. Без повреждения сухожилий. Хочу посмотреть скорость свертывания крови при стандартном гемостатическом заклинании первого круга.

У Мии перехватило дыхание. Одно дело — читать про анатомию троллей, и совсем другое — смотреть, как сейчас будут резать живого человека ради теста. Толпа возбужденно загудела. Для них это было обыденностью. Уроком контроля боли.

Лиан закатал рукав, обнажив мускулистую руку, покрытую золотистым загаром. Он встал в боевую стойку, примериваясь клинком к бицепсу. — Может, не надо... — начала Мия, делая шаг вперед, но осеклась под тяжелым взглядом Ректора.

Клинок свистнул в воздухе. Движение было настолько быстрым, что глаз не успел зафиксировать момент соприкосновения стали с кожей. Брызнула кровь — яркая, алая, слишком густая для человеческой. Порез действительно был глубоким, рассекая мышцы почти до кости. Лиан даже не поморщился. Лишь крепче сжал рукоять меча, ожидая команды применить целительное плетение.

— Время пошло, — бросил секретарь, активируя песочные часы.

Лиан положил свободную левую ладонь над раной. Он начал произносить слова на латыни этого мира — гортанные, вибрирующие звуки, сплетающиеся в структуру. Мия знала теорию: нужно создать матрицу регенерации, напитать ее энергией эфира и направить импульсом в поврежденные ткани. Процесс занимал у среднего студента около сорока секунд. Все это время парень должен терпеть боль, сохранять концентрацию и не позволить кровотечению ослабить тело.

Но что-то пошло не так.

Руны вокруг Лиана мигнули и погасли. Юноша побледнел, на его лбу выступили бисеринки пота. Губы перестали шептать заклинание. — Контур нестабилен, — прохрипел

он. — Энергия рассеивается...

Альтавиэль подался вперед. Морис выругался себе под нос. Кровь продолжала хлестать из раны, стекая по руке Лиана на светлые камни полигона. Сорок секунд превращались в минуту. Парень терял сознание.

И тогда мир для Мии исчез.

Это не было похоже на решение задачи. Это случилось само. Позже преподаватели назовут это «спонтанным эмпатическим слиянием», но в тот момент для Мии не существовало терминов. Был только человек перед ней, чья жизнь стремительно вытекала красным ручьем. Ее собственная апатия, эта спасительная стена отчуждения, которая годами защищала ее от боли мира, внезапно рухнула. Впервые за долгие годы она позволила себе *почувствовать* кого-то другого полностью.

Она сделала два быстрых шага, сокращая дистанцию. Толпа ахнула — выходить на активный полигон во время испытания строжайше запрещалось. Один неверный шаг, и испытуемый мог перенаправить остаточный заряд заклинания в случайного зрителя.

— Стоять! — рявкнул Эрис. Его голос разрезал воздух, как хлыст. Он уже сделал движение вперед, готовый сбить Мию с ног силовой волной, чтобы защитить от возможной отдачи.

Но было поздно.

Мия схватила Лиана за окровавленную руку. Она не ду-

мала о гигиене, инфекциях или правилах приличия. Ее пальцы сомкнулись прямо на разорванной плоти. Холод металла браслета на ее запястье коснулся горячей крови.

— Тише, — прошептала она. Слово прозвучало не громче шелеста листьев, но слышали его все. Потому что оно прозвучало не только в ушах, но и прямо в костях каждого присутствующего.

Воздух вокруг них замер. Фиолетовый спутник, висевший низко над горизонтом, вдруг ускорил свое движение по небу. Ветер, игравший флагами на башнях, упал мертвым штилем.

Мия закрыла глаза. Она не читала заклинаний. Она не строила сложных ментальных конструкций, которым учат детей аристократов с пяти лет. Она просто представила, как должно быть. Представила кожу целой, сосуды сросшимися, мышечные волокна переплетенными в правильном порядке.

Ее пустота внутри, этот голодный вакуум, который она ощущала всю свою земную жизнь, сработал как идеальное сопло. Она втянула в себя окружающий эфир — дикий, хаотичный, наполненный статикой чужой магии, страхом толпы и болью парня. Втянула и пропустила через себя, очистив от всего лишнего. Оставила только чистую, незамутненную жизненную силу.

Эта сила полилась из ее ладоней.

Сначала это выглядело как мягкое золотистое сияние. Оно просачивалось между пальцев Мии, касаясь раны. Кровь мгновенно перестала течь. Затем свет стал интенсив-

нее. Золотой поток уплотнился, обретая вес и плотность. Камни полигона под ногами Лиана начали покрываться тонким слоем инея, хотя исходящий от рук Мии жар мог плавить сталь. Произошел температурный диссонанс абсолютного нуля и абсолютного максимума — состояние, невозможное согласно законам термодинамики Арканума.

Золотой свет вырвался наружу куполом. Он накрыл весь внутренний двор Академии.

Толпа на трибунах перестала дышать. Старейшие магистры, повидавшие падение империй и рождение вулканов, смотрели на происходящее с религиозным ужасом.

Свет не слепил. Он проникал внутрь. Студенты чувствовали, как заживают их старые царапины, полученные на дуэлях. Как исчезает похмелье после вчерашнего праздника. Как уходит хроническая усталость от зубрежки формул. Весь Институт исцелился в одно мгновение. Трава на газонах стала зеленее, цветы повернули головы к солнцу, а воробьи в гнездах под крышей зачирикали громче.

Рана на руке Лиана затянулась за долю секунды. Сначала сошлись края кожи, оставив лишь тонкую белую линию. Затем исчезла и она. На месте глубокой резаной раны осталась лишь идеальная, нетронутая кожа. Ни шрама, ни покраснения. Только несколько капель засохшей крови на рукаве.

Лиан открыл глаза. Он моргнул, посмотрел на свою руку, затем перевел взгляд на Мию. В его расширенных зрачках плескалось чистое, незамутненное обожание.

Золотое сияние начало медленно угасать. Мия пошатнулась. Резервуары сил, о существовании которых она не подозревала, были выжжены дотла. Голова закружилась, колени подогнулись. Последнее, что она увидела перед тем, как упасть в темноту — это как Эрис преодолевает расстояние в двадцать метров одним прыжком, оказываясь рядом с ней раньше, чем ее тело коснулось земли.

Тишина длилась ровно семь секунд. Священную цифру подтвердил позже секретарь, глядя на свой хронограф. Семь секунд абсолютного молчания, в течение которых две тысячи четыреста тридцать восемь человек пытались осознать, что законы физики только что изнасиловали у них на глазах.

Первой нарушила тишину Лайза. Она сидела на верхних ступенях, прижимая ладони к животу. — Мой гастрит... — прошептала она в пространство. — Он исчез. Совсем.

Словно по сигналу, амфитеатр взорвался гомоном. Студенты вскакивали, кричали, ошупывали друг друга. Кто-то обнаружил, что зрение, испорченное чтением фолиантов при свечах, стало острее орлиного. Седой профессор кафедры ядовитой химии осознал, что больше не хромает на правую ногу — сустав, разрушенный неудачным экспериментом десять лет назад, восстановил хрящевую ткань.

Паника началась спустя минуту. Люди поняли, что источник благодати ищейка, и теперь отчаянно пытались понять, откуда он пришел.

— Всем оставаться на местах! — прогремел голос Эриса. Теперь в нем не было ничего человеческого. Это был голос власти, подкрепленный чистой угрозой смерти. Черная аура некроманта взвилась вокруг него клубящимся дымом, отрезая беснующуюся толпу от центра полигона.

Эрис стоял на коленях посреди остывающего камня. Мия лежала у него на руках, бледная до синевы. Он держал ее крепко, но бережно, словно она была сделана из тончайшего фарфора. Его пальцы проверяли ее пульс на шее. — Жива, — выдохнул он. Облегчение в его голосе звучало почти болезненно. — Боги Хаоса, девочка, что ты такое сотворила?

Альтавиэль тяжело поднялся со своего трона. Старик опирался на посох, но его походка была твердой. Он спустился по ступеням амфитеатра, расталкивая оцепление из боевых магов. За ним семенил Борин, на ходу вытаскивая из сумки пузырьки с успокоительными зельями.

— Отойди, Эрис, — приказал Ректор. — Мне нужно видеть ее ядро.

Некромант поднял голову. Его серые глаза пылали холодным огнем. Вокруг него искрил разряженный воздух. — Нет, — сказал он тихо, но в этом слове было больше веса, чем в крике всей толпы. — Вы подойдете, когда я удостоверюсь, что ее структура стабильна. Вы чуть не потеряли ее, пока аплодировали чуду. Она сожгла девяносто процентов своих каналов, чтобы починить порез. Если вы сейчас ударите по ней диагностическим лучом, ее мозг превратится в яичницу.

Морис, Декан теории, выступил вперед. Его пепельная кожа приобрела заметный серо-зеленый оттенок страха. — Это невозможно, — просипел он. — Уровень света... Архимаги древности достигали такой чистоты только перед уходом за Грань. Это эссенция Творения! Чистая мана! Откуда она в человеке?!

— Она не использует ману, идиот, — рыкнул Эрис, не сводя глаз с лица Мии. — Она использовала саму Жизнь. Она взяла энтропию нашего больного, перекрученного магией эфира и вернула ему изначальную форму. Она переписала реальность на участке площадью в сто квадратных метров. Одним желанием.

Мия застонала. Ресницы дрогнули. Эрис тут же смягчился, склоняясь ниже. Его черные волосы упали вперед, скрывая половину лица. — Тише, — повторил он ее недавнее слово. — Ты дома. Спи.

Девушка попыталась сфокусировать взгляд. Мир плыл, двоился, состоял из ярких пятен и звенящей пустоты. Над ней склонилось лицо Ректора. Изумрудные глаза старика слезились. — Невероятно, — прошептал Альтавиэль. — Абсолютный проводник. Чистое намерение. Мы искали оружие, способное уничтожить врага. А получили лекарство, способное спасти всех. Включая самого врага.

— Она моя студентка, — напомнил Борин, протирая очки краем своей багряной мантии. — И мой пациент. И если кто-нибудь из вас, стервятников, сделает резкое движение в

сторону моей девочки, я лично обеспечу вам такие фантомные боли, что демоны Нижних Кругов покажутся вам ласковыми массажистами.

Эрис наконец позволил Ректору подойти ближе. Альтавиэль осторожно вытянул сухую старческую руку и провел ею над телом Мии, не касаясь ткани мантии. Воздух вокруг его пальцев замерцал сложной сетью сканирующих чар. Они проходили сквозь девушку, не встречая сопротивления, подтверждая диагноз Эриса: каналы выгорели. Остался лишь тонкий стержень воли, удерживающий душу в теле.

— Что будем делать? — спросил Декан Иллюзоров, нервно теребя бородавку на носу. — Запирать ее в адамантиевой коробке? Такая мощь бесконтрольна. Если она расстроится, она может случайно стереть столицу из бытия.

— Мы сделаем то, что должны были сделать сразу, — жестко ответил Альтавиэль, выпрямляясь. — Мы перестанем пытаться ее измерить.

Он повернулся к Эрису. Их взгляды встретились. Между двумя сильнейшими мужчинами Института повисло напряжение старой вражды, скрепленное теперь общей ответственностью. — Северная башня, — произнес Ректор. — Как ты и хотел. Периметр пятого уровня. Доступ только у тебя, меня и Бороина. Поставь туда големов-церберов. Никто не должен подходить к ней ближе чем на пятьдесят шагов без моего приказа. Она будет учиться изолированно.

— Это тюрьма, — прорычал Борин. — Это саркофаг, —

поправил его Морис. — Единственный способ удержать эпидемию божественности.

Эрис медленно, очень медленно поднялся на ноги, продолжая держать Мию на руках. Ростом он был выше большинства мужчин здесь, и сейчас, черный, окутанный тенью, с бесчувственной девушкой на руках, он выглядел как падший ангел, пришедший забрать свою единственную ценность из ада. — Вы боитесь того, чего не понимаете, — сказал он в наступившей гробовой тишине. — Она не собирается никого уничтожать. Она вообще не хочет воевать. Она хотела помочь парню, который порезал палец.

Он сделал шаг в сторону выхода с полигона. — Вы можете строить свои графики. Можете писать доклады для Совета Короля. А я буду учить ее контролировать дар. Начнем с азов. Как заваривать чай, не превращая воду в жидкий огонь. Как открывать двери, не стирая петли в пыль. И как лечить людей так, чтобы они оставались живыми людьми, а не блаженными овощами в золотом коконе.

Никто не посмел его остановить. Дорога сама расступалась перед ним. Студенты вжимались в стены, давая проходу Черному Клинку. Лиан, совершенно здоровый, бежал впереди, распихивая толпу, освобождая путь к служебному входу в Северную башню.

Мия пришла в себя окончательно только тогда, когда холодный камень подземелий сменился запахом старого дерева, пыли и сухих трав. Эрис внес ее в просторную гостиную,

освещенную мягким светом масляных ламп. Здесь стояла массивная мебель, огромный камин и стеллажи с книгами, уходящие под самый потолок двадцатиметрового шпиля.

— Где мы? — прошептала она, пытаясь шевельнуть руками. Пальцы не слушались. — Дома, — коротко ответил Эрис. Он опустил ее на диван, покрытый шкурой какого-то пятнистого зверя. — Наверху — мои покои. Внизу — твои. Вход только оттуда. Окна выходят на внешнюю стену. Вид красивый, но прыгать не советую — внизу шипы пропитаны паралитическим ядом.

Он отошел к буфету, зазвенел стеклом. Мия приподнялась на локтях, осматриваясь. Комната поражала аскетизмом. При всем видимом богатстве убранства здесь не было ничего лишнего. Каждая вещь имела свое место и предназначение. Это была берлога одиночки.

Эрис вернулся со стаканом мутной янтарной жидкости. — Пей. Медленно. Это укрепляющий состав. Смесь драконьей крови, корня мандрагоры и моих личных нервных окончаний. Будет щипать.

Мия послушно сделала глоток. Жидкость оказалась обжигающей, сладковато-металлической. По венам прокатилась волна жара, вымывая остатки свинцовой усталости. Каналы магии отозвались тупой, ноющей болью — словно мышцы после первой в жизни экстремальной тренировки.

— Сколько... сколько я вынесла из них? — спросила она, глядя, как Эрис садится в кресло напротив. Расстояние меж-

ду ними было ровно два метра. Линия огня.

— Достаточно, чтобы Академия забыла, как пользоваться лекарствами на следующие сутки, — угол его губ дернулся вверх. — У декана старых факультетов выросла новая пень. У половины студентов пропали морщины. А Лиан... Лиан решил, что влюбился в тебя навсегда. Готовься, завтра утром под твоей дверью будет стоять корзина цветов размером с карету.

Мия слабо улыбнулась. Образ рыжего парня всплыл в памяти. Его искренний испуг, когда отказала магия. — Я не хотела, — сказала она тихо. — Само вышло. Я просто... знала, как должно быть. Знала форму целого.

— Вот именно это нас и пугает, — серьезно произнес Эрис, подавшись вперед. Его серые глаза впились в нее, лишая возможности отвернуться. — Маги тратят десятилетия, чтобы научиться визуализировать желаемый результат. Строят сложные уравнения в уме. Держат в голове вязь рун. А ты просто *видишь*. Ты смотришь на сломанную вещь и видишь ее исправной. На мертвого — и видишь дышащего. На раненого — и видишь целую конечность.

Он взял ее левую руку, ту, на которой все еще болтался дешевый земной браслет. Его пальцы были прохладными, контрастируя с внутренним жаром, который нагнала настойка. — То, что ты сделала сегодня — это чудо высшего порядка. Божественная интервенция. В нашем мире есть легенды о таких, как ты. Их называют Белыми Вестниками. Приход од-

ного такого меняет эпоху. Заканчиваются войны. Исчезают болезни. Старый порядок рушится, потому что зачем платить налоги королю, если любая крестьянка может вылечить чуму даром? Зачем содержать армию, если одна девушка может воскресить павших?

Мия сглотнула. Масштаб катастрофы начал доходить до ее сознания. — Меня убьют? — прагматично спросила она.

— Попытаются, — кивнул Эрис. — Церковь Триединого Света объявит тебя еретичкой, потому что чудеса дозволено творить только их богу. Гильдия Алхимиков потребует твоего ареста, потому что производство лечебных зелий — их монополия. Король захочет выдать тебя замуж за своего бесплодного дядю, чтобы обеспечить престол наследником. А наши внутренние фракции... Морис попытается разобрать тебя на атомы, чтобы построить вечный двигатель.

Он отпустил ее руку и откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. — Поэтому ты больше не выходишь отсюда без меня. Или без голема охраны. Твоя комната запечатана печатями Королевского Дома. Любой портал сюда отслеживается. Еду будут приносить телепортом прямо из кухни, посуду — дезинтегрировать после использования. Это не прихоть, Мия. Это карантин. Ты — самое опасное биологическое и магическое вещество на континенте. И одновременно — самое хрупкое.

Повисла пауза. За окном башни выл ветер, сталкиваясь с защитным куполом. Где-то далеко, в главном корпусе, на-

верняка до сих пор праздновали чудесное исцеление.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила Мия, нарушая тишину. — Там, в коридоре. Ты ведь тоже почувствовал. Этот свет. Он должен был сжечь тебе глаза, как и всем остальным. Но ты единственный бросился ко мне. Тебе не было больно?

Эрис долго молчал. Когда он открыл глаза, в них плескалась такая древняя тоска, что Мие захотелось обнять его, вопреки всем правилам и страхам. — Боль — единственная константа в моем существовании, — ответил он. — Я живу с ней в симбиозе. Но когда золотой свет коснулся меня... я впервые за тридцать лет смог сделать полный вдох. Астма, заработанная мной в катакомбах Нижнего города в детстве, исчезла. Легкие расправились.

Он криво усмехнулся, обнажая острые клыки в нечеловеческом оскале. — Так что да, я эгоист. Я хочу, чтобы ты жила и практиковалась. Желательно, в моем присутствии. Мой кашель прошел, Мия. А значит, ты должна продолжать дышать за нас обоих.

Он поднялся. — Твои вещи уже внизу. Спускайся по винтовой лестнице. Библиотека башни открыта для тебя круглосуточно. Изучай историю. Географию. Этикет. Завтра начнем физические тесты. Нужно нарастить тебе каналы, иначе следующая попытка поиграть в целителя отправит тебя прямиком в объятия Демиурга.

Уже у самой двери, взявшись за массивное кольцо ручки,

он обернулся. — И еще кое-что. Насчет Селесты и ее подружек.

Мия напряглась. — Они боятся не тебя. Они боятся того, что видят во мне. Моя репутация — это кладбище врагов и разбитых сердец. До сегодняшнего дня я был статуей из льда. Идеальным оружием. А теперь... — он неопределенно махнул рукой в сторону дивана, где сидела Мия. — Теперь я принес домой бомбу замедленного действия и улыбаюсь ей. Для их куриного мировоззрения это выглядит как одержимость. Будь готова к тому, что женская половина Института объявит тебе войну. Они будут использовать яд, интриги и общественное мнение.

— А ты? — не удержалась Мия.

— А я буду использовать их страхи, — спокойно ответил Эрис. — Добро пожаловать в большую политику, девочка. Надеюсь, твой дар исцеления распространяется и на душевные раны. Свои собственные в том числе. Отдыхай.

Дверь закрылась с глухим стуком, похожим на удар крышки гроба. Щелкнул замок. Печати на косяке вспыхнули мертвенно-синим светом.

Мия осталась одна.

Она спустилась по винтовой лестнице в свои личные апартаменты. Они оказались зеркальным отражением комнаты наверху, но оформленные в спокойных бежевых и зеленых тонах. Огромная кровать под балдахином, письменный стол, заваленный пергаменатами, и личная лаборатория с перегон-

ным кубом.

Она подошла к окну. Отсюда, с высоты Северной башни, город Валлария лежал как на ладони. Игрушечные домики, светящиеся проспекты, серебряная лента реки. Два спутника висели в небе, заливая мир призрачным светом.

Мия прижала ладони к стеклу. Тепло ее тела оставляло туманные отпечатки.

Она ушла из душного подвала на Земле, чтобы оказаться в золотой клетке на небесах. Она хотела покоя, а получила власть, способную менять судьбы империй. Она хотела быть незаметной мебелью, а стала центром зарождающегося шторма.

Где-то там, в другом крыле общежития, плакала от зависти Селеста. Где-то в казармах бинтовали руки неудачливые дуэлянты. А здесь, в самом высоком шпиле Академии, стояла двадцатилетняя девчонка, которая понятия не имела, как выжить в мире, где доброта считается высшей формой стратегического оружия.

Мия отошла от окна, села за стол и придвинула к себе первый попавшийся фолиант. Книга называлась «Анатомия политических заговоров для чайников». Шутка показалась ей неуместной, пока она не прочитала имя автора на форзаце: *Э. де Ренуар*.

Она горько усмехнулась и открыла первую страницу. Урок выживания начался.

Глава 3. Целительница высшего ранга

Дни в Северной башне потеряли привычный ритм. Для остального Института время измерялось ударами колокола, сменой лекций и звоном столовых приборов. Для Мии оно текло иначе — густое, насыщенное информацией, похожее на тяжелый мед.

Эрис оказался педантом, чья жестокость на полигоне уравновешивалась маниакальной дотошностью в обучении. Он не был преподавателем в классическом смысле слова. Он был хирургом, препарирующим ее сознание.

— Ты мыслишь категориями Земли, — говорил он, стоя у огромного дубового стола в библиотеке башни. Между ними лежал развернутый свиток с анатомическим атласом грифона. — Твои земные книги лгали тебе о том, как работает живое тело. Там вы считаете, что плоть — это мешок с костями, а магия — внешняя сила, которую нужно «приложить». Здесь же все едино. Кровь — это жидкий эфир. Кости — кристаллизованная воля. Нервы — антенны приема-передачи.

Мия сидела напротив, подперев щеку кулаком. За прошедшие две недели она прочитала больше, чем за весь последний курс университета. Борин снабжал ее фолиантами

из запретного сектора, которые самовольно левитировали к ней в окно трижды в день. Эрис же заставлял ее не просто читать, а проживать текст.

— Закрой глаза, — приказал он сейчас. Его голос действовал на нее гипнотически; после того случая на полигоне любая его просьба выполнялась телом раньше, чем разум успевал возразить. — Представь этот атлас. Увеличь изображение бедренной артерии. Что ты видишь?

— Синеватый сосуд, — прошептала Мия, погружаясь в транс. — Толщина стенок неравномерная. Есть бляшка... старая травма. Кальцинат здесь.

Ее указательный палец завис над пергаментом, хотя глаза оставались плотно закрытыми. Она водила им по воздуху, отслеживая невидимые обычному глазу патологии. — Животное страдало от хромоты последние три года. Врачи лечили сустав, но проблема была в закупорке кровотока выше колена.

Эрис молчал так долго, что Мие показалось, будто она провалила тест. Наконец, он тяжело вздохнул и опустился в кресло, которое опасно скрипнуло под его весом. — Диагноз поставлен верно. Лечение заняло бы у магистра четвертого круга неделю ритуалов и литры зелий. Тебе потребовалось три секунды созерцания. Это пугает меня до дрожи в коленях, девочка. Если ты научишься держать язык за зубами, тебя убьют из зависти еще до конца месяца. Если начнешь болтать — казнят за ересь.

— Я хочу научиться делать правильно, — тихо сказала Мия. — Не вспышками света, когда кто-то истекает кровью, а руками. Как обычный врач.

— В этом мире нет «обычных» врачей, — отрезал Эрис. — Есть те, кто умеет латать дыры, чтобы солдат вернулся в строй, и есть шарлатаны. Мы будем учиться латать. Начнем с основ. Сегодня спускаемся в конюшни. Принцесса Изабелла привезла своих скакунов. Один из них пал жертвой собственной дурости и сломал ногу. Декан факультета Боевой Магии требует усыпить животное. Мы идем доказывать обратное.

Конюшни Академии находились в низине, у самой внешней стены. Запах свежего сена, лошадиного пота и горячего железа ударил в ноздри, вырвав Мию из стерильной атмосферы библиотеки.

Здесь кипела жизнь. Груммы чистили шкуры гигантских боевых дестриэ — лошадей размером с молодого быка, закованных в броню. Воздух звенел от ржания.

В отдельном деннике, отгороженном тяжелыми цепями, метался черный жеребец. При виде вошедших он прижал уши и попытался встать на дыбы, насколько позволяла длина привязи. Его правая передняя нога, обычно мощная и прямая, висела под неестественным углом. Открытый перелом предплечья. Белесая кость торчала наружу, осколки разрывали кожу. Жеребец хрипел, пуская пену, его огромные тем-

ные глаза закатывались от болевого шока.

Рядом сустились два студента-старшекурсника в кожаных фартуках. Они пытались наложить шину, но животное в панике отбивалось, грозя разmozжить им головы копытами. — Яд! — кричал один из них. — Нужно вколоть тройную дозу макового отвара, иначе мы не подойдем! — Вы его убьете своей алхимией! — раздался властный женский голос.

Из глубины прохода вышла девушка. На фоне пропахших потом конюхов и студентов она выглядела инородным элементом. Дочь какого-то герцога, судя по гербу на бархатном камзоле — золотая лилия на черном поле. Эвелина де Крофф. Мия уже слышала о ней. Первая красавица курса целителей, наследница состояния, построенного на торговле редкими ядами и противоядиями. Ее волосы цвета платины были уложены в сложную прическу, которая стоила дороже, чем годовая зарплата всего персонала конюшни.

— Отравление нервной системы животного лишит нас возможности провести точную репозицию кости, — продолжила Эвелина, брезгливо приподнимая подол платья. — Ему нужен покой и прямое вмешательство в структуру остеобластов. Отойдите, мужланы. Рианна, мой саквояж.

Ее помощница, такая же холеная блондинка, бросилась подавать инструменты. Эвелина натянула тонкие шелковые перчатки и достала длинный серебряный шприц.

— Подержите его голову, — приказала она студентам. — Я введу состав прямо в спинной мозг. Будет больно, но он

выживет. Наверное.

Жеребец снова взвыл, чуя холод металла. Мия сделала шаг вперед. — Стойте.

Эвелина замерла со шприцем в руке. Медленно, словно общаясь с неразумным ребенком, она повернула голову. — Простите? Вы, кажется, новенькая. Та самая ошибка канцелярии, которую поселили в башню для опасных артефактов. В конюшнях запрещено находиться лицам без допуска службы безопасности. Уйдите, пока я не пожаловалась вашему личному церберу.

— Вы убьете его нервную систему этим коктейлем, — спокойно ответила Мия, делая еще один шаг в сторону денника. — Оскольчатый перелом со смещением. Если вы парализуете его, мышцы расслабятся окончательно, и сосуды лопнут быстрее. Вы получите труп через десять минут.

Лицо Эвелины вытянулось. Аристократическая бледность сменилась пятнами румянца. — Девочка, твое место в песочнице первокурсников. Ты даже не знаешь состава базового эликсира седации. А теперь будь добра, вернись к своим учебникам, пока запах навоза не испортил твою мантию.

Один из студентов, широкоплечий парень с веснушками, нерешительно посмотрел на Мию: — Госпожа Патрушева... если декан узнает, что мы пустили вас сюда...

— Декан Борин знает, — перебила Мия. Она сняла свою белую ученическую мантию, оставшись в простой льняной рубашке и штанах, и перекинула ткань через перегородку.

— Откройте задвижку медленно. И принесите мне ведро чистой воды и чистые тряпки. Много тряпок. И сними свой кожаный фартук, дай мне. Мой слишком чистый, конь испугается запаха духов.

Она говорила тоном, не терпящим возражений. Это была не та забитая студентка, которой Мия была месяц назад. Две недели жизни бок о бок со смертью в человеческом обличье изменили химию ее мозга. Страх никуда не делся — колени предательски дрожали, а желудок сжался в ледяной ком. Но поверх страха легла стальная уверенность человека, который точно знает алгоритм действий.

Эвелина побледнела до состояния первого снега. Происходило невозможное. Какая-то безродная выскочка перехватывала инициативу в ее присутствии, да еще и отдавала приказы ее личной свите. — Да как ты смеешь?! — взвизгнула аристократка. — Рианна, вызови стражу! Эта девка сошла с ума!

Но Рианна, глядя на спокойное лицо Мии, осталась стоять на месте. Студенты тоже не двигались, зачарованные внезапной переменой в тихой новенькой.

Мия проигнорировала крик. Она подошла к краю денника. Черный жеребец, только что готовый разорвать любого, вдруг затих. Огромная голова опустилась. Фыркнув, животное ткнулось влажным носом в протянутые ладони Мии.

— Тише, хороший мой, — прошептала она, поглаживая бархатные ноздри. — Знаю, болит. Сейчас станет легче. Обе-

щаю.

Она просунула руки сквозь прутья решетки. Конь позволил ей коснуться своей шеи, затем плеча. Пальцы Мии скользнули ниже, ощупывая поврежденную ногу. Она не использовала диагностические чары, которыми так кичилась Эвелина. Она просто *чувствовала*. Тепло крови, пульсацию вен, острый хрустальный звон обломков кости в резонансе с эфиром.

— Перелом винтообразный, — констатировала Мия вслух, скорее для себя, чем для окружающих. — Два крупных осколка ушли дорсально. Главные артерии целы, но пульс нитевидный. Он теряет кровь в мягкие ткани.

Она подняла взгляд на застывшего Эриса. Некромант стоял в тени дверного проема, прислонившись плечом к косяку. Скрестив руки, он наблюдал за сценой с интересом патологоанатома, изучающего внезапно оживший труп. — Мне нужна фиксация сустава, — сказала Мия ему. — Жесткая. Дерево или металл. И держите его за морду, если он дернется, когда я начну собирать пазл, он сломает мне кисти одним движением.

Эрис усмехнулся уголком рта и кивнул студентам: — Вы слышали леди. Выполняйте. Де Крофф, будьте любезны, поддержите ведро с водой. Только постарайтесь не уронить туда свои жемчуга.

Оскорбление было настолько изящным и публичным, что Эвелина задохнулась. Свита герцогини начала неуверенно

переглядываться. Авторитет их госпожи трещал по швам под взглядом Черного Клинка.

Студент с веснушками (его имя, кажется, было Томас) сбегал за брусом из дуба. Вместе с товарищем они зафиксировали ногу лошади, прижав ее к дереву. Эрис мягко, но непреклонно взял поводья, намотав их на руку, и заставил жеребца опустить голову, перекрывая доступ крови к мозгу и снижая агрессию.

Мия глубоко вдохнула. Запах сена и страх. Она положила обе ладони прямо на торчащую кость.

Золотой свет не вспыхнул ослепительным куполом, как на вступительном испытании. То, чему учил ее Эрис эти две недели, начало давать плоды. Контроль. Она направила энергию точно.

Свет сочился из-под ее пальцев тонкой вязью, проникая внутрь тканей. Мия закрыла глаза, полностью отключившись от внешнего мира. Для нее перестало существовать ревущее животное, шипящая от злости Эвелина и мрачный профиль Эриса. Был только биологический механизм. Сложнейший часовой прибор, выбившийся из ритма.

Соединить края надкостницы. Напитать кальцием зону разрыва. Заставить клетки делиться.

Это была ювелирная работа. Там, где обычный целитель накладывал грубую матрицу заживления, создавая огромный костный мозоль и навсегда калеча подвижность сустава, Мия работала на уровне ДНК. Она видела спираль каждой

клетки. Она ласково уговаривала рваные края сосудов сплестись воедино. Она буквально пальцами одной лишь воли сводила микроскопические трещины в структуре кальция.

Ткань рубашки на спине промокла от пота. По вискам градом катились капли. Физическое истощение наступало гораздо быстрее, чем в прошлый раз, потому что она сдерживала силу, подчиняя ее дисциплине. Процесс занял почти двадцать минут. Двадцать минут абсолютной тишины, прерываемой лишь тяжелым дыханием людей и фырканием коня.

Когда последняя нить сосуда встала на место, а кость приняла изначальную форму, скрытую под новой, идеально гладкой кожей, Мия открыла глаза.

Золотое сияние погасло. Она пошатнулась, схватившись за прутья решетки. Перед глазами поплыли черные пятна. Резервуары силы внутри напоминали выжженную пустыню.

— Назад, — хрипло бросил Эрис, заметив ее состояние. Он отпустил поводья и шагнул к ней, подхватывая под локоть прежде, чем она успела осесть на грязную солому. — Томас, освободи фиксатор. Медленно.

Студент выполнил приказ. Эрис поднял Мию на руки — она весила меньше пушинки — и вынес из загона. Прислонив ее спиной к теплему боку другой, здоровой лошади, он проверил ее зрачки. — Гипогликемия. Истощение второго уровня. Почему ты не взяла подпитку из эфира вокруг?

— Нельзя, — выдохнула Мия, пытаясь сфокусировать взгляд. — Чужеродный фон исказит структуру регенерации.

Могла вырасти вторая нога. Или хвост.

Эрис громко рассмеялся. Смех гулко отразился от деревянных балок потолка, напугав голубей. Впервые за долгое время этот звук показался Мие не угрожающим, а живым. — Демоны Бездны, — прохрипел он, вытирая выступившие от смеха слезы. — Она шутит. Наша бомба замедленного действия научилась шутить.

Он обернулся к остальному персоналу. Жеребец стоял смирно. Он осторожно перенес вес на правую переднюю ногу. Потом на левую. Помотал головой и тихо, вопросительно заржал.

Томас упал на колени прямо в опилки. — Светлые Боги... — прошептал он. — Ни единого следа. Ни опухоли. Она ходит. Миледи, она абсолютно здорова!

Рианна смотрела на Мию так, словно та была святой, спустившейся с небес. Даже студенты Боевого факультета, зашедшие забрать заказанное мясо, замерли с открытыми ртами.

Одна лишь Эвелина продолжала стоять посреди прохода. Ее идеальный мир рухнул. Десять лет обучения сложнейшим плетениям, тысячи золотых, потраченных на частных репетиторов, связи ее отца — все это только что превратилось в тыкву перед лицом девчонки, которая действовала голыми руками. Лицо аристократки пошло пятнами, губы дрожали. — Это... это иллюзия! — выкрикнула она срывающимся голосом. — Иллюзия высокого порядка! Завтра утром начнет-

ся некроз, кость сгниет изнутри! Ты мошенница! Я сообщу Инквизиции!

Эрис медленно повернул голову. Температура в конюшне упала градусов на десять. Пар изо рта присутствующих стал густым и белым. Тени в углах удлинлись, принимая очертания скалящихся черепов. — Сообщите, — ровным, смертельно спокойным голосом произнес заместитель главы службы безопасности. — Обязательно сообщите. Расскажите Верховному Искателю, как выпускница моего факультета спасла племенную собственность Короны, используя методы, которые ваша жалкая гильдия считает устаревшими. Посмотрим, чей отец сможет вытащить дочь из камеры предварительного заключения. Вопрос будет стоять не о лицензии лекаря, де Крофф. Вопрос будет стоять о государственной измене путем саботажа лечения королевского имущества.

Эвелина позеленела. Саботаж здоровья животных Короны карался публичной поркой и лишением титула. Она поняла, что перешла грань. Махнув рукой своей притихшей свите, она вылетела из конюшни, едва не сорвав дверь с петель.

Эрис проводил ее взглядом, полным холодного удовлетворения хищника, защищающего территорию. — Стерва получит свое, — сказал он, возвращая внимание к Мие. — Но завтра жди неприятностей. Женская половина общежития объявит сезон охоты. Твоя главная задача на сегодня — выжить в столовой.

Он поставил Мию на ноги, но продолжал придерживать за талию — собственные ноги ее едва слушались. — Ты превзошла саму себя, — добавил он тише, так, чтобы слышала только она. — Уровень контроля вырос на сорок процентов за одну процедуру. Теперь ешь. Все, что увидишь. И спать. До завтрашнего утра ты официально нетрудоспособна.

Новость распространялась по Институту быстрее лесного пожара. К ужину большая столовая зала целительского крыла гудела, как растревоженный улей.

Мия вошла последней, опираясь на плечо Томаса. Веснушчатый парень добровольно вызвался быть ее телохранителем и носильщиком еды. Следом за ними, словно безмолвная тень, шла Рианна, забывшая о своем статусе служанки Эвелины.

Как только Мия переступила порог, разговоры стихли. Сотни пар глаз уставились на нее. Кто-то смотрел с благоговением. Кто-то — с профессиональным интересом магистров, оценивающих новый перспективный инструмент. Но большинство взглядов принадлежало девушкам. И в них читалась чистая, дистиллированная ненависть.

За дальним столом, в окружении своих неизменных подруг, сидела Селеста. Рядом с ней, выпрямив спину, словно проглотив аршин, расположилась Эвелина. Аристократка демонстративно отвернулась, когда Мия проходила мимо, но ее сцепленные в замок пальцы побелели от напряжения.

— Сюда, — Томас провел Мию к центральному столу преподавателей.

Магистр Борин уже сидел там, шумно поглощая жаркое и запивая его элем из огромной кружки. Увидев процессию, он расплылся в улыбке, от которой его бакенбарды встопорщились. — Явилась легенда! — пророкотал он, хлопая ладонью по скамье рядом с собой. — Садись, чудо природы. Ешь. После такой демонстрации энергии ты потеряла около пяти килограммов живого веса. Надо восполнять.

Мия села. Ощущение сотен ненавидящих взглядов впивалось в затылок раскаленными иглами. Она чувствовала направленные на нее проклятия — мелкие, бытовые пакости, вроде «плетений тошноты» и «чеса», которые плели уязвленные старшекурсницы. Щиты, поставленные Эрисом на входе в зал, отражали эту мелкую грязь, но давление оставалось ощутимым.

— Не обращай внимания, — пробасил Борин, подвигая к ней блюдо с цельным запеченным гусем. — Девочки всегда такие, когда понимают, что принц предпочел пастушку. Особенно если пастушка может воскресить мертвого барана щелчком пальцев.

— Я не хотела... — начала Мия, беря нож и вилку. Руки все еще мелко тряслись от отката. — Хотела, — оборвал ее доктор. — Любой нормальный человек хочет помочь страдающему. Проблема в том, что в этих стенах нормальных людей днем с огнем не сыщешь. Здесь каждый второй мечта-

ет стать Архимагом, чтобы поставить собственное изваяние на площади. А ты пришла и вылечила лошадь. Просто так. Потому что ей было больно. Это оскорбляет их профессиональную гордость.

Ужин превратился в испытание. Стоило Мие взять кусок мяса, как проходившая мимо со стаканом сока старшекурсница «случайно» споткнулась. Сок полетел прямо в тарелку Мии.

Стакан замер в дюйме от белой скатерти. Вода внутри него превратилась в лед. Полностью. Вместе с каплями на стенках. Девушка, замахнувшаяся для броска, ойкнула и устояла на свои пальцы, покрывшиеся инеем. Эффект охлаждения исходил от самого места, где сидела Мия. Температурный контроль работал на инстинктах, защищая хозяйку от дискомфорта.

Мия посмотрела на замороженный стакан, потом на побледневшую девушку. — Аккуратнее, — сухо сказала она. — Можно поскользнуться.

Она взяла ложку и аккуратно отделила замерзший сок от тарелки, создав идеальную ледяную скульптуру в форме розы, и переставила ее на край стола. Затем невозмутимо придвинула к себе чистую тарелку, которую тут же подал подбежавший подавальщик.

По залу пронесся коллективный судорожный вздох. Заморозка жидкости силой мысли — это уровень магистра стихий третьего ранга. Мия сделала это рефлекторно, даже не

посмотрев на объект.

Борин довольно крикнул, разбивая ложкой панцирь печеного краба. — Прекрасный ответ, деточка. Холодный. Во всех смыслах. Продолжай в том же духе.

К концу трапезы атмосфера изменилась. Первичный шок перешел в стадию принятия. Самые смелые — в основном парни-студенты младших курсов — начали подходить к столу.

— Госпожа Мия, — робко обратился к ней юноша с перевязанной рукой. — Меня зовут Кит. Я со второго курса. У меня контрактура после неудачного фаербола. Вы... могли бы посмотреть?

Мия устало вздохнула. День обещал закончиться новым рабочим сеансом. Она кивнула. — После ужина. В пустой аудитории номер двенадцать. Десять минут.

К ней подошел Томас, все это время стоявший истуканом за ее спиной. — Я хотел сказать... то, что вы сделали сегодня... Моя мать страдает от камней в почках. Лучшие лекари города разводят руками, говорят, операция слишком опасна, можно повредить протоки...

— Приносите ее завтра, — перебила Мия. — Утром. К главным воротам башни. Охрана пропустит.

Она закончила ужин в окружении толпы поклонников. Каждый хотел урвать кусочек ее внимания, попросить совета, взглянуть на «святую». Мия механически отвечала, записывала имена, назначала приемы. Внутри зрело глухое раз-

дражение. Она стала ресурсом. Функцией. Чудесной машиной по исправлению биологических ошибок этого мира. Той самой мебелью, которой притворялась, но теперь эта мебель стояла в самом центре гостиной, и каждый считал своим долгом ее потрогать.

Когда она наконец вернулась в Северную башню, сопровождаемая почетным эскортом из восторженных первокурсников, часы на ратуше пробили полночь.

Эрис ждал ее в библиотеке. Он сидел в кресле, вытянув длинные ноги в сапогах к огню, и читал какой-то древний трактат. При звуке открывшейся двери он отложил книгу, заложив страницу кинжалом.

— Двадцать семь обращений, — вместо приветствия сказал он. — Три предложения руки и сердца. Одно предложение завести общего ребенка для создания идеальной династии лекарей. И одна попытка отравить твой чай цварским плесневым грибом. Яд нейтрализовал Борин, плесень съел мой фамилиар под столом.

Мия остановилась посреди комнаты, сжимая в руках стопку писем и амулетов, которые ей надарили в столовой. — Я ненавижу это, — тихо призналась она.

Эрис приподнял бровь. — Спасение жизней? — Поклонение, — Мия бросила подарки на ближайший столик. Амулеты жалобно звякнули. — Я не богиня, Эрис. Я просто хочу спать. Я хочу вылечить ту женщину с камнями, парня с сожженной рукой и пойти в библиотеку. Я не хочу становиться

символом сопротивления вашей диктатуре. Но они смотрят на меня так, будто я должна возглавить революцию.

Она подошла ближе. Усталость последних часов смыла всю ее недавнюю храбрость. Перед ним снова стояла растерянная двадцатилетняя девочка, оказавшаяся на чужой планете. — Зачем ты это делаешь? — спросила она, глядя в его серые глаза. — Защищаешь меня. Носишься со мной. Сегодня ты уничтожил репутацию Эвелины ради... кого? Ради полезного актива? Я не верю в альтруизм некромантов.

Эрис долго смотрел на огонь. Тени плясали на его острых скулах, превращая красивое лицо в маску демона. — Альтруизма не существует, — согласился он. — Есть выгода. Моя выгода в том, что ты безопасна, пока находишься под моим контролем. Если эти курицы из общежития доведут тебя до нервного срыва, ты можешь случайно пожелать, чтобы исчезла боль. И тогда исчезнет всё сущее.

Он перевел взгляд на нее. Взгляд был неожиданно мягким, лишенным обычной язвительности. — Но есть и другая причина. Более эгоистичная.

Он поднялся. Оказавшись вплотную к ней, он возвышался подобно темной башне, в которой они находились. Мия невольно задержала дыхание. — Весь этот мир, — продолжил он тихо, — состоит из боли, грязи, политических интриг и гниющего заживо общества. Я живу в этом дольше, чем хотелось бы помнить. Я привык дышать пеплом. А ты... — его рука в черной перчатке поднялась и осторожно коснулась

пряди ее волос, упавшей на лоб. — Ты пахнешь озоном и дождем. Находиться рядом с тобой — единственный способ не сойти с ума от запаха всеобщего распада.

Его большой палец коснулся ее щеки. Прикосновение было легким, почти невесомым, но Мия почувствовала его всем позвоночником до самых пяток. — Так что береги себя, Мия, — прошептал он. — Не ради них. Ради моего душевного равновесия.

Он отступил так же быстро, как приблизился, разрушив наваждение. Развернулся и пошел к выходу из библиотеки, ведущему в его личные покои наверху. — Доброй ночи, явление природы, — бросил он через плечо. — И советую запечатать дверь на засов. Эвелина глупа, но ее отец богат. А золото покупает услуги очень изобретательных наемных убийц.

Дверь закрылась. Звук тяжелых шагов по лестнице над головой постепенно затих.

Мия осталась одна в огромном полутемном зале, среди стеллажей с книгами, хранящими тайны веков. Она прижала ледяные ладони к горящим щекам.

День начался со спасения лошади, а закончился прикосновением самого опасного мужчины в королевстве и угрозой убийства.

Она прошла к винтовой лестнице, ведущей в ее спальню. Наверху, в круглой комнате под крышей башни, ветер бил в стекла.

Мия подошла к окну. Город внизу спал, укрытый одеялом

туманов. Где-то там, в роскошных особняках, Эвелина наверняка планировала месть, подсчитывая убытки своего семейного бизнеса. Где-то плакала от счастья женщина, избавившаяся от камней в почках. Где-то спал черный жеребец, которому подарили новую жизнь.

А она, Мия, стояла между этими мирами. Девушка, потерявшая дом, чтобы обрести предназначение, которого не желала.

Она задернула тяжелые шторы, отсекая себя от чужого мира, разделась и упала в кровать. Сон пришел мгновенно, глубокий и темный, без сновидений. Но впервые за много лет, засыпая, она чувствовала не одиночество, а тяжесть внимательного взгляда, охраняющего ее сон откуда-то сверху, из-под крыши Северной башни.

Глава 4. Тайная комната и заклинание сна

Северная башня имела свой собственный характер. Если восточное крыло общежития пахло лавандой, сплетнями и дешевыми духами неопытных девиц, то обитель Эриса де Ренуара дышала пылью веков, озоном после грозы и старым пергаментом. За две недели Мия привыкла считать эти стены своей клеткой, но постепенно эта клетка начала казаться ей самой безопасной точкой на карте Арканума.

Библиотека башни стала ее святилищем. В отличие от главного архивного хранилища Академии, где книги были пронумерованы, каталогизированы и заперты под стекло, здесь царил организованный хаос. Фолианты лежали на столах стопками высотой в человеческий рост, свитки торчали из шкафов, как колосья пшеницы, а тяжелые гримуары сами сползали с верхних полок, стоило подойти достаточно близко.

Эрис предоставил ей полный доступ, ограничив лишь один сектор — стальную дверь в дальнем конце зала, запечатанную рунами цвета венозной крови. — Там хранятся методы пыток времен Раскола Империи, — коротко пояснил он однажды, заметив ее любопытный взгляд. — И протоколы допроса демонов. Тебе туда рано. Или уже поздно, учитывая

твою природу. Не трогай.

Мия была послушной ученицей. Она проводила дни за изучением «Анатомии драконов» и «Токсикологии болот», штудировала труды по нейрохирургии эльфов и методам вправления суставов у кентавров. Но земное прошлое давало о себе знать. Ее мозг, натренированный годами зубрежки сухих экономических теорий, требовал системности. А история магии этой земли зияла белыми пятнами.

В одну из ночей, когда лунный свет падал сквозь витражи, окрашивая пыльные фолианты в призрачные цвета, она снова подошла к запретной двери. Руны пульсировали медленно, словно замок был живым существом, которое дышало во сне.

Она не собиралась взламывать защиту. Эрис убил бы ее одним взглядом, если бы узнал, что она приблизилась к печати ближе чем на три шага. Мия просто хотела понять принцип. Она закрыла глаза, настраивая свое внутреннее зрение, и посмотрела на структуру охранного контура.

Для обычного мага это была непреодолимая стена сложнейшей вязи. Для Мии же магия выглядела иначе. Она видела не символы власти, а потоки намерения. Печать Эриса кричала миру: *«Опасно. Держись подальше»*. Это было базовое желание защитить свои тайны.

Но прямо над замочной скважиной, там, где камень кладки чуть выступал вперед, образуя небольшую нишу, нить защиты истончалась. Кто-то — очень давно, возможно, сам ос-

нователь башни — оставил лазейку. Крошечную щель в броне абсолютной безопасности. Словно создатель знал, что однажды придет кто-то, для кого запреты будут лишь досадным недоразумением.

Мия провела пальцем по камню рядом с печатью. Ниша была глубокой. Пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное. Дерево.

Она осторожно поддела предмет ногтем. Из тайника выпала деревянная шкатулка размером с ладонь. На крышке была вырезана одна-единственная спираль.

Сердце Мии забилося чаще. Она оглянулась на лестницу, ведущую в покои Эриса. Наверху было тихо. Некромант либо спал, либо медитировал в своих ритуальных покоях.

Дрожащими руками она открыла шкатулку. Внутри, свернутый в тугой рулон, лежал не пергамент. Это был лист металла, похожего на серебро, но мягкого, как шелк. Свиток Древних. Текст на нем не был написан чернилами — буквы горели тусклым синим огнем прямо внутри кристаллической решетки материала.

«Свод Глубинных Состояний. Том Первый: Архитектура Покоя».

Мия знала этот язык лишь отчасти. Грамматика напоминала Высшее Наречие, но корни слов уходили в эпоху до появления людей. Язык тех, кто строил саму материю этого мира. Она вытащила свиток. Он оказался тяжелым и странно теплым.

Любопытство, ставшее ее главным двигателем со дня прибытия, победило осторожность. Она вернулась за главный читальный стол, зажгла лампу с эфирным маслом и развернула текст.

Буквы вспыхнули ярче, реагируя на тепло ее рук. Мия начала читать вслух, шепотом, пытаясь разобрать смысл: — *«Сон есть граница между Бытием и Ничто. Тот, кто желает управлять миром, должен сначала научиться управлять границей... Формула диссипации сознания требует резонанса с дыханием спящих...»*

Она увлеклась. Текст описывал не боевую магию и не некромантию, к которой тяготел Эрис. Это была чистая псионика, работа с фундаментальными волнами мозга. Автор описывал архитектуру сновидений так, словно чертил чертеж моста.

Один абзац привлек ее внимание особенно сильно. Описание простого бытового плетения для успокоения младенцев в королевском доме. Формула звучала изящно, почти музыкально. Мия, чей разум все еще мыслил категориями земной физики, увидела в структуре формулы идеальную синусоиду. Решив проверить теорию старого мастера, она решила визуализировать эту волну.

— *«Ин-эгрэ-ци-о...»* — начала она произносить слова, вплетая в них немного своей силы. Совсем чуть-чуть, каплю, чтобы заставить руны на бумаге засветиться для наглядности.

Ошибка заключалась в том, что Мия Патрушева никогда не работала с «каплями». Ее пустота внутри работала как бездонный колодец. Стоило ей потянуть за ниточку намерения, как структура эфира вокруг ответила мгновенно.

Воздух над столом загустел. Синее сияние букв вырвалось со свитка и начало расширяться кольцом. Мия попыталась прервать поток, сжать пальцы, разорвать связь, но формула уже захватила резонанс помещения.

Звон в ушах нарастал. Свет лампы мигнул и погас. Волна невидимой, мягкой, но сокрушительной силы прокатилась от стола во все стороны.

Она ударила в стеллажи. Книги посыпались с полок, но не раскрылись, рассыпая страницы, а мягко опали на пол, закрываясь сами собой. Огонь в камине съежился до размера свечи и погас, хотя дров должно было хватить еще на час. Даже сквозняк, вечно гуляющий по винтовой лестнице, замер, осыпавшись хлопьями пепла.

Мия почувствовала, как ноги становятся ватными. Заклинание, рассчитанное на одного младенца или маленькую комнату, поглотило всю энергию Северной башни. Синусоида, которую она построила, оказалась слишком чистой. Слишком идеальной. Она не просто успокаивала — она отключала сознание.

Девушка сделала шаг назад, пошатнулась и оперлась рукой о книжный шкаф. Мир перед глазами поплыл. Борьба с формулой выжала ее досуха быстрее, чем лечение десятка

раненых. Последним, что она увидела, было лицо Лиана, который как раз поднимался по лестнице из лабораторий подвального этажа, привлеченный странным свечением. Он открыл рот, чтобы что-то крикнуть, его глаза удивленно расширились, рука дернулась к поясу, где висел клинок...

И Лиан упал. Бесшумно. Как марионетка, у которой обрезают нити. Он рухнул лицом вниз на мягкий ковер, раскинув руки. Его дыхание стало глубоким и ровным — дыхание человека в фазе самого крепкого, восстановительного сна.

Удар падения тела заставил Мию встрепетаться. Туман в голове начал медленно рассеиваться вместе с остаточным действием чар.

Она моргнула. Библиотека изменилась. Исчезли звуки. Исчез запах дыма. Полная, звенящая тишина давила на барабанные перепонки.

Мия опустила взгляд. У ее ног лежал Лиан. Рыжие волосы разметались по ковру, веснушчатое лицо выглядело умиротворенным.

Паника ударила в кровь ледяной иглой. — Лиан! — выдохнула она, падаясь на колени. Она схватила его за плечи, попыталась встряхнуть. Тело было расслабленным, тяжелым и совершенно невосприимчивым к тряске.

Она прижала ухо к его груди. Сердце билось ровно, глубоко. С ним все было в порядке физически. Но он спал сном скалы.

Мия подняла голову. Ее взгляд метнулся к лестнице наверх. Если Эрис спустится сейчас и увидит своего лучшего студента спящим посреди библиотеки возле активированного древнего проклятия, их обоих ждет далеко не дисциплинарный выговор. Некромант решит, что Мия пыталась убить парня. Или того хуже — подчинить его волю через сон.

Нужно было спрятать улики.

Собрав остатки сил — их хватило ровно на то, чтобы не упасть в обморок следом, — Мия подтащила тяжелое тело Лиана к ближайшему дивану у окна. Укладывая его, она случайно коснулась его лба. Кожа была горячей.

— Прости, — прошептала она, поправляя воротник его рубахи. — Я идиотка. Читать древние тексты ночью — худшая идея в моей жизни.

Лиан что-то неразборчиво промычал во сне и перевернулся на бок, подсовывая руку под щеку. Выглядел он настолько мирно и по-мальчишески очаровательно, что страх Мии на секунду отступил, сменившись теплой волной нежности.

Но времени на сантименты не было. Она бросилась к столу. Свиток продолжал слабо пульсировать синим. Она захлопнула деревянную шкатулку, обжигая пальцы о нагретый металл, и сунула ее обратно в тайник за дверью. Руны замка жадно втянули артефакт внутрь, принимая свою собственность.

Теперь следы. Мия осмотрелась. Десятки книг валялись на полу. Следы сапог Лиана на ковре. Сама она стояла посре-

ди комнаты в одной ночной рубашке, растрепанная, с безумным взглядом.

Она начала судорожно собирать фолианты, заталкивая их на полки как попало. Шум мог разбудить остальных обитателей башни, но выбора не было. Краем глаза она заметила движение внизу, у входа в библиотеку.

На пороге стоял Кай. Высокий, широкоплечий брюнет с факультета боевой трансформации. Обычно его лицо выражало суровую сосредоточенность, но сейчас оно было абсолютно расслабленным. Кай сделал два неуверенных шага внутрь, зевнул во весь рот, прикрывая его кулаком, и прислонился к косяку. — Дориан сказал, тут фейерверк был... — пробормотал он, протирая глаза. — А тут темно. Скучно. Пойду-ка я спать обратно...

Он развернулся, чтобы уйти, зацепился плечом за полку, сбив еще три книги, и побрел к выходу, оставляя за собой дорожку из пергамента. Через секунду раздался глухой звук удара — видимо, Кай уснул прямо на ступенях лестницы.

Мия закрыла лицо руками. Масштаб катастрофы поражал. Она усыпила не только Лиана. Вся Северная башня, включая двух студентов Боевого факультета, которые за чем-то пришли сюда среди ночи, выбыла из строя.

— Да чтоб тебя... — простонала она.

Именно в этот момент из-за колонны бесшумно вышел третий участник их компании. Дориан. В отличие от громилы Кая и открытого Лиана, Дориан был тенью. Худощавый,

гибкий, с волосами цвета воронова крыла и цепкими глазами цвета стали. Он двигался так, что половицы под ним не скрипели. В руках он держал тяжелый талмуд, которым, судя по всему, только что заблокировал дверь в коридор, ведущий к преподавательским pokojам.

— Интересная ночь, госпожа Патрушева, — произнес он своим тихим, лишенным эмоций голосом. — Я читал трактат по астральной проекции в дальней секции. Ваша волна выбила меня из транса. Весьма эффективно. Уровень амплитуды примерно четвертый круг? Нет, выше. Чистый ноль-переход. Старший курс такого не повторит.

Мия подпрыгнула от неожиданности, прижимая последнюю книгу к груди. — Ты... ты не спишь?

— Частично, — Дориан подошел ближе. Он посмотрел на Лиана, уютно сопящего на диване, затем на храпящего у дверей Кая. Уголок его губ едва заметно дрогнул в подобии улыбки. — Мой род происходит от династии ментальных щитовиков. Я поставил купол вокруг своего кресла за микросекунду до прихода волны. Иначе сейчас я бы тоже пускал слюни на антикварный паркет.

У Мии подкосились ноги от облегчения. Она рухнула на стул, роняя книгу на пол. — Это случайность, — быстро заговорила она, голос дрожал. — Я нашла старый свиток в тайнике над дверью. Хотела посмотреть формулу детского снотворного. Оно... вышло из-под контроля. Накрыло весь этаж. Эрис убьет меня. Когда он проснется, он нас всех чет-

вертует. Нужно их разбудить!

Дориан поднял руку, останавливая ее порыв вскочить. — Не нужно никого будить. Попытка грубой ментальной встряски сейчас вызовет у них микроинсульты. Ваш «снотворный газ» структурирован как глубокий дельта-сон. Чтобы вывести их оттуда безопасно, нужна обратная частота. Которой у вас нет, иначе вы бы не устроили этот балаган.

Он прошелся вдоль дивана, рассматривая Лиана профессиональным взглядом диагноста. — Сколько продержится эффект? — Я не знаю! — Мия заломила руки. — В тексте говорилось о трех-четырех часах для ребенка. Но площадь покрытия... я думаю, часов шесть-восемь глубокого сна. Может, больше.

— Прекрасно, — констатировал Дориан. — До утреннего колокола осталось четыре часа. Если Эрис обнаружит наследника дома Орланских — отец Лиана владеет половиной портов на Восточном море — спящим в логове личного некроманта короля, начнется война кланов. Де Ренуар сошлет вас добывать серу в Нижние Круги, а голову Лиана пришлют его отцу в коробке.

— Хватит пугать! — взвизгнула Мия. Слезы брызнули из глаз. — Что нам делать?!

Дориан впервые посмотрел ей прямо в глаза. Стальная твердость его взгляда лишала дара речи. — Делать будем мы с вами. А они, — он кивнул на парней, — будут нашими главными алиби. План следующий. Во-первых, перестаньте

плакать. Ваши слезы содержат высокую концентрацию соли, которая вступает в реакцию с остаточным эфиром на ковре, разъедая ворс. Это улика номер один.

Мия судорожно всхлипнула и стерла слезы тыльной стороной ладони. — Во-вторых, — продолжил Дориан, доставая из складок мантии тонкий серебряный стержень, — мы приведем помещение в порядок. Тихо. Затем мы переместим объекты в безопасную зону. У Лиана утром спарринг с деканом Морисом. Если он пропустит его из-за «магического истощения», возникнут вопросы. Мы скажем, что допоздна работали над совместным проектом в лаборатории зелий. Там всегда стоит густой туман, никто не удивится, что мы выглядим помятыми.

Следующий час стал самым странным в жизни Мии. Они действовали как команда грабителей-неудачников. Дориан руководил процессом с холодностью генерала. Мия, используя остатки своей эмпатии, аккуратно обходила спящих, гася их возможные кошмары легким касанием пальцев ко лбу, чтобы парни не брыкались при переноске.

Они оттащили Кая в его комнату этажом ниже. Дориан ловко снял с него сапоги и накрыл одеялом, вложив в руку кружку с водой (стандартная мера предосторожности против похмелья). Лиана пришлось нести вдвоем. Парень оказался неожиданно тяжелым. Мия несла его ноги, Дориан — торс. Подъем по узкой винтовой лестнице превратился в испытание на выносливость. На середине пути Лиан вдруг крепко

обхватил Мию за шею свободной рукой, уронив голову ей на плечо, и блаженно вздохнул: — Мама, еще пять минуточек...

Мия замерла, чувствуя, как сердце пропускает удар. От рыжего пахло медом, травами и тем самым первобытным мужским теплом, которое она так старательно игнорировала последние две недели. Она покраснела до корней волос. — Он не назвал меня мамой, он спит, — сухо прокомментировал Дориан снизу, перехватывая Лиана удобнее. — Шевелись, гравитация работает против нас.

Они дотащили его до комнаты Лиана — небольшой, но светлой спальни, заваленной картами звездного неба и старыми мечами. Уложили на кровать.

Когда Мия попыталась высвободить свою руку, которой придерживала Лиана за спину, его пальцы рефлексивно сомкнулись на ее запястье. — Не уходи, — пробормотал он, не открывая глаз. — Холодно.

Комната была хорошо протоплена. Воздух дрожал от жара камина. Но Мия осталась стоять неподвижно, боясь разрушить этот хрупкий момент. Лиан повернулся на бок, притягивая ее руку к своей груди, и уткнулся носом в ее ладонь. Его дыхание шевелило волоски на ее коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.